Библиотека Владимира Авдеева

Макс ВУНДТ

Раса как предмет философии истории

«Самотёка»
МИД
ОСОЗНАНИЕ
Москва
2026

УДК 613.2
ББК 51.230
В 98

Вундт М.
В 98 Раса как предмет философии истории
(*«Библиотека Владимира Авдеева»*). – М.: «Самотёка»,
МИД «Осознание», 2026. – 116 с.

Макс Вундт – один из уникальнейших самобытных немецких философов XX века. Сын известного психолога Вильгельма Вундта, он родился 29.01.1879 года в Лейпциге, скончался 31.10.1963 г. в Тюбингене; был профессором университетов в Страсбурге, Марбурге, Йене и Тюбингене; с 1936 года – член Академии города Эрфурта. Его день рождения в Академии этого города и поныне является официальным памятным днём.

Известность в философских кругах Макс Вундт получил за публикацию следующих сочинений: «История греческой этики» (1908-1911) в двух томах, «Кант как метафизик» (1924), «Исследование по метафизике Аристотеля» (1953).

Его работы «Греческое міровоззрение» (1910), «Государственная философия» (1923), «Немецкое міровоззрение» (1926) посвящены проблемам выработки национального міровоззрения в процессе эволюционного становления общества.

© «Самотёка», 2026
© МИД «Осознание», 2026

ПОДЪЁМ И УПАДОК НАРОДОВ

Мысли о міровой истории на расовой основе

Предисловие. Раса как предмет философии истории

Вопрос о влиянии расы на историю, казалось бы, должен быть адресован лишь к исторической науке, а философии он не касается. Любая наука относит вопрос о причинах изучаемых ею явлений исключительно к своей компетенции, отвергая помощь философии. Поэтому когда философ берёт слово по этому столь насущному сегодня вопросу, он должен заранее защититься от упрека в том, что он вмешивается в дела, которые его не касаются.

Раса – одно из основных понятий исторических исследований, т.е. таких понятий, которые определяют рамки конкретной науки. Но философия во все времена имела отношение к основам различных наук. Вспомним хотя бы о её активном участии в объяснении предпосылок естественнонаучных исследований. Например, идея чисто количественного объяснения міра была выдвинута философией раньше, чем физикой. Конкретным наукам недостаточно собственной методики, для объяснений им необходим взгляд со стороны, а таким взглядом обладает философия. Так же обстоит дело и с отношением расы к истории. Раса – одна из предпосылок истории, но не историческое понятие в собственном смысле слова. Суть этого понятия не может быть объяснена с помощью обычных исторических методов, поэтому приходится привлекать на помощь философию.

Права философии в данном случае подкрепляются своеобразием понятия расы. Оно относится к той промежуточной сфере, которой занимаются и естественные, и гуманитарные науки. Такая же промежуточная позиция присуща и философии, а также психологии. В конечном счете, все науки выросли из философии.

Раньше история обращала на расу мало внимания. Изменив свой взгляд на неё, эта наука изменилась не только внешне, но и по сути, так что вопрос о смысле истории должен быть поставлен заново. А это чисто философский вопрос.

1. Великие исторические эпохи

Когда мы думает об истории, мы вспоминаем, прежде всего, о великих народах, об их чудесном подъеме и кульминационных периодах их жизни, за которыми часто следует быстрый упадок, но их влияние остаётся столь сильным и долгим. Можно даже сказать, что все история это лишь подготовка и последствия таких великих эпох.

Возьмем Афины и Рим… Не перечислить всего, что было создано на протяжении трех поколений в Афинах, городе, где жило столько же людей, сколько сегодня в Ахене, Касселе или Аугсбурге… В области одной лишь драматургии были созданы образцы для всей міровой литературы. В этот короткий отрезок времени творили Эсхил, Софокл, Эврипид и Аристофан. Чтобы найти четыре равноценных имени, надо перебрать всю остальную міровую литературу. Эти четыре человека создали 340 драм, из них сохранилось 44, но все они получили міровую известность…

А Рим? За 300 лет он превратился из ничего не значившей общины во владыку всего тогдашнего культурного міра, и его влияние до сих пор сильно, по крайней мере, в Западной Европе.

Особенно примечательно то, что такой расцвет происходит обычно во всех областях одновременно и с удивительно скоростью ставит народ во главе мірового развития. Особенно характерный пример – Испания XVI века. Почти современниками были Сервантес, Суарес, Лопе де Вега, Веласкес, Кальдерон, Мурильо… Из других аналогичных примеров вспомним еще раз Афины, итальянский Ренессанс, Англию при Елизавете,

Францию при Людовике XIV или Германию XVIII – начала XIX века.

Но пример Испании показывает одновременно, как быстро минуют такие эпохи. В XVII веке эта страна утратила свои ведущие позиции во всех областях. И расцвет Афин длился менее ста лет.

Ход истории часто сравнивают с чередой гор и долин. Но если учесть, что история определяется такими концентрациями сил, мы увидим в ней нечто вулканическое, извержения, сопровождаемые землетрясениями.

То, что мы называем историей, связано, главным образом, с такими эпохами, когда создаётся то, что позже не удаётся сохранить. Упадок длится до нового подъема, нового расцвета может быть, в совсем другом месте. Объяснить эти великие эпохи, значит объяснить историю, ибо это и есть собственно исторические времена, когда история делается, а не просто переживается.

В этих эпохах следует искать и ответ на вопрос о причинах исторических событий. Ответы обычно даются слишком упрощённые и неудовлетворительные. Есть, в принципе, два ответа: один из них даёт позитивизм, другой – романтизм.

Согласно первому ответу случайно (в результате мутации?) появляются отдельные выдающиеся люди, которые создают великие творения как примеры для подражания. Французская социология придаёт большое значение именно индивидуалистической идее подражания во всех сферах общественной жизни… В ней совершенно отсутствует представление о том, что в Германии называют духом народа. Эта теория непригодна для объяснения великих эпох. Сильные течения не создаются великими людьми, а предшествуют им. Рафаэль немыслим без предыдущего развития флорентийской живописи, Моцарт – сын музыкального века. Великие люди обычно появляются во всех областях одновременно, и если в Германии в начале XIX века не было великих живописцев, надо искать причину такого отклонения от правила.

Другой ответ восходит к идее Гердера и немецких романтиков: народы это живые существа и у них тоже есть свои периоды расцвета и увядания. Причиной расцвета того или иного народа обычно считаются внешние обстоятельства. Но такое уподобление верно лишь отчасти: народ сравнивают с отдельным организмом без учета его размножения… И встаёт вопрос, почему не все народы достигают расцвета, если действуют общие законы?

Сегодня мы видим в расе истинную причину достижений народов. И в нашем историческом міре ощущается влияние одной и той же определенной расы. Творения великих народов при всём различии среды отличаются большим сходством. Учение древних греков о государстве и сегодня влияет на государственную жизнь.

Германцы многое взяли из римского права, правда, в его поздней, выродившейся форме, что принесло вред, - первоначальное римское право было ближе германцам. И великие произведения античного искусства часто ближе нам, чем творения нашего собственного народа, относящиеся к эпохам, которые стали нам чуждыми. Основы современной науки и философии были заложены еще греками. Было бы возможным сохранение этого исторического наследия, если бы в основе не лежал единый расовый генофонд?

Особой проблемой является христианство. Если бы оно было лишь чуждой германцам верой, пришлось бы отказаться от расового объяснения истории. Оболочка, в которой христианство пришло к германцам, может быть, и была чуждой им, потому что они всегда старались пробить её и добраться до сути. Но они должны были воспринимать эту суть как родственную, иначе они не сражались бы за неё с такой страстью. Происхождение христианства – тайна. Ничто не мешает нам вывести его из нордической крови… Если расология этого не докажет, от неё придётся вообще отказаться. Это следует сказать всем, кто сегодня слишком поспешно объявляет христианство чужеродным. Итак, если вообще признавать идею под-

ражания, то её предпосылкой должно быть расовое родство. И равным образом идея расцвета и упадка народов обретает смысл лишь в связи с расой.

2. Нордическая раса

Какие качества нордической расы позволили ей стать носительницей истории? Мы не должны, исходя из её позднейших достижений, делать выводы об её качествах, а потом выводить первые из последних. Мы должны исходить из условий, в которых эти качества возникли.

Расологи говорят, что их развитию способствовали опасности ледникового периода. В этих условиях могли выжить только сильные люди, способные выносить трудности. Нордическая раса в этом отношении превосходит все остальные, поэтому она повсюду навязывает им законы своей жизни – настолько велика её жизненная сила. Она преобразила весь облик Земли.

Но помимо чисто физической силы важны также сила воли, энергия, решимость. Эта раса не могла жить без опасностей и, когда отступил ледник, стала искать их в других местах. Радость от встречи с опасностью – основное условие исторической жизни вообще. Расы, не имеющие истории, предпочитают покой в привычной среде, раса, творящая историю, всегда ищет новых приключений. Чтобы вырваться из привычного круга, необходимы мужество и решимость, достижение далеко идущих целей невозможно без соответствующей энергии. С этими качествами связано и стремление к свободе.

Но не обойтись и без сдерживающего начала, без признания того, что есть границы, за которые человек переступать не должен… Это тоже одна из основ исторической жизни. Один полюс – чувство человеческой свободы, другой – вера в божественную власть над міром. У рас, застывших в первобытном состоянии, расстояние между этими полюсами невелико, их желания укладываются в рамки привычных обязанностей, а

народы, творящие историю, отличаются тем, что не могут довольствоваться привычным.

Наконец, скажем об умственных способностях. Выжить в условиях постоянных угроз могут лишь предусмотрительные люди. А предусмотрительность предполагает хорошую память. На их базе и развилось мышление как таковое.

Воспоминания о прошлом и предвидение будущего отрывают от настоящего. Сознание отрывается от непосредственного восприятия и обретает способность к объективному взгляду на мір, а это – главное преимущество нордической расы. Её способность через момент познавать вечное – основное условие исторического бытия.

Мы различаем исторические народы и народы, не имеющие истории. Последние тоже переживают много событий, но эти события не становятся для них историей. Эти народы живут одним моментом и не выходят за рамки настоящего. Прошлое они забывают, а будущее их не безпокоит.

История возникает из порождённой опасностью связи настоящего с прошлым и будущим. Но простые воспоминания это еще не история. Самый верный памяти о прошлом народ, китайцы, долгое время вели, по сути, внеисторическое существование. Историей обладает только народ, который, говоря, словами Гомера, смотрит вперед и назад.

Три высокие цели определяют ценность исторических народов: справедливость, красота и мудрость… Эти высшие ценности установлены нордической расой.

3. Начало истории

Качества нордической расы давали лишь возможности для истории. Чтобы возможное стало реальным, требовался стимул. Речь идёт о начале истории, о переходе из царства необходимости в царство свободы.

Свобода была скрытым задатком человека и проявилась в определенный период, для чего были свои причины.

В этот момент человек впервые и стал человеком. Он проявил решимость впредь принимать участие в определении своей судьбы. Чтобы проявились качества нордической расы, нужны были новые потрясения.

Когда льды отступили, условия жизни стали более благоприятными. Именно в Центральной Европе, где, вероятно, и возникла нордическая раса, климат стал очень тёплым. Люди получили возможность самостоятельно определять, куда направить силы, которые раньше уходили на борьбу за выживание. Это и был час рождения свободы, «час», который мог длиться сотни и тысячи лет.

Свобода как самоопределение человека могла родиться только из переизбытка высвободившихся сил. Человек смог сам определять свои цели и не только бороться с природой, но и получать радость от самой деятельности. Кроме труда появилось другое занятие – игра…

Индоевропейцы, главные представители нордической расы, занимались также поисками новых земель. Они выступили на арену истории как земледельцы. Новые земли приходилось отвоёвывать у отступавшего ледника. Так в рамках нордической расы возникло крестьянство благородных кровей… Охотники и скотоводы презирали работу на земле, они предоставляли это дело рабам.

Свободное крестьянство могло возникнуть лишь там, где урожаи удавалось получать лишь с большим трудом, и работа на земле считалась почётной. Это способствовало развитию ранее приобретенных качеств нордической расы.

История началась с великих миграций. Условия стали более благоприятными для размножения, но пищи для избыточного населения не хватало.

Так в самом начале истории возник вопрос, который позже вставал неоднократно: несоответствие темпов размножения продовольственным ресурсам. Пришлось искать новые земли. Продвижению на север еще мешал ледник, поэтому естественным был путь на юг.

С этого прорыва нордической расы и началась история… Это была уникальная ситуация, когда человек вырвался из оков первобытной жизни и начал свободно определять свою судьбу. Этим объясняется тот факт, что история в разных частях света началась примерно одновременно и в силу её закономерностей периоды расцвета в Китае, Индии и Греции совпадают…

4. Подъем народов

Несомненно, раса – решающий фактор истории, но, столь же очевидно, не единственный. Естественно возникает вопрос: почему достижения расы не постоянны, почему раса существует тысячелетия, а пик её достижений приходиться на несколько столетий? Явно нужен какой-то стимул, чтобы заложенные в расе потенции стали реальностью.

Все исторические народы вошли в историю как мигранты. О причинах этих миграций мы уже сказали, скажем теперь о следствиях.

Превращение народа в историческую величину происходит не сразу после его переселения на новое место, а лишь столетия спустя. Изменение наследственных задатков в результате миграции длится долго.

Миграции не обходятся без борьбы, так что в ходе их усиливается отбор. Но он лишь закрепляет качества, ранее уже обретенные расой в трудных условиях. Чемберлен в своих «Основах XIX столетия» указывал на значение гибридизации для улучшения сортов растений и пород животных. Этот опыт действителен и для человеческих рас. Но скрещивание в этом случае должно быть однократным, причем одной благородной расы с другой. Постоянное кровосмешение всегда ведёт к упадку.

Эта идея помогает объяснить подъем исторических народов. В результате миграции потоки нордической крови достигли самых разных мест земного шара. Там, где они смешались с чужой, неполноценной кровью, они не принесли плодов. Но в

других местах они пустили корни. Одним влиянием нордической расы последующий расцвет не объяснить, иначе то же самое происходило бы и в других местах; дело и не в новом месте поселения, так как условия в нем часто были не очень благоприятными, а люди, которые ранее там жили, ничего особенного не достигли. Лучшее объяснение: однократное смешение после миграции с местным населением родственного типа…

Так в Греции, по мнению, Шухардта, пришельцы с Севера столкнулись со столь же одарённым населением, пришедшим с Запада. Кроме того, теперь серьёзней стали относиться к вере самих греков в их частичное происхождение от больших народов Восточного Средиземноморья… Речь идёт о больших народах нордической расы, смелых мореплавателях, осевших на берегах Эгейского моря. Не случайно центрами расцвета стали гавани – Афины, Милеет, Эфес, а соседняя с Аттикой Беотия осталась слаборазвитой страной.

Так же можно объяснить возвышение Лация. Италию населяли разные, но близко родственные племена: италики и латины. В Риме они смешались, и только здесь соединились их силы.

В Германии тоже смешивались разные племена… С расовой точки зрения это было смешение нордической и фальской рас.

Когда германцы захватили Римскую империю, и там бывали случаи удачного смешения, так как в ряде её мест еще сохранился высший римский слой. В Галлии франки столкнулись с нордическими кельтами, в Испании и Италии германские племена смешивались между собой. Когда нам говорят об их гибели, речь идет лишь о мужчинах, способных носить оружие, а весь народ не может исчезнуть безследно. Женщины, по крайней мере, остаются хранительницами крови. В Италии остатки готов смешались в Тоскане с лангобардами, и не случайно именно эта область стала позже духовным центром.

… В истории нет места счастью, и творящие её народы часто одолевала скорбь. Сегодня никто уже больше не верит в «радостную Грецию». Гомер говорил о «жалких смертных»,

а Софокл, баловень судьбы, - что человеку лучше вообще не родиться, а если уж родился – как можно скорей умереть. Эта скорбь вызывалась не внешними причинами, а вырывалась из глубины души. Она свидетельствует о внутреннем противоречии между разными наследственными массами. Именно у творческих людей она проявляется сильнее всего, их душа часто кажется полем битвы сражающихся между собой наследственных задатков. Но самые сильные задатки самой благородной расы и придают ей творческую силу, они не крошатся во внутренних противоречиях, а творят благодаря им.

5. Эпохи расцвета

…Такие эпохи – результат обогащения наследственных масс во определенных направлениях. Все они связаны с внутренними миграциями, с развитием городской жизни.

Переход от сельской к городской жизни – важнейшее изменение, переживаемое народом на новом месте. Причина та же самая: население растёт такими темпами, что не хватает пропитания.

В городах возникает новый тип человека. Условия городской и сельской жизни совершенно различны. Крестьянин зависит от земли, горожанин может преуспеть только благодаря своему труду.

Жизнь народа движется вперед благодаря городам.

Но, в то время как крестьянская работа требует разносторонних способностей, городская жизнь ведёт к их специализации. Профессии становятся родовыми. Взаимное обогащение одинаковых наследственных масс приводит к появлению гениев. Они всегда вырастают из общего большого потока и обычно одновременно во всех областях.

Город расширяет кругозор человека, избавляет его от непосредственных забот о пропитании. Но все эти условия не сделают ничего, если нет людей, которым они могут дать стимулы к великим свершениям.

6. Опасности

Всё живое, чем дальше оно развивается, тем ближе к смерти. Нечто подобное наблюдается и в развитии народов. Даже в великие эпохи их одолевают сомнения в ценности их дел. На фоне всемірного восхищения слышатся жалобы, и мы должны признать их оправданными. Весь период возвышения Рима сопровождался упрёками истинных римлян своему времени, утратившему старые римские добродетели. Предостерегая, они ссылались на прошлое, но в прошлом слышались такие же предостережения…

Народы, находящиеся на подъеме, всегда одновременно чувствуют опасность. Их жизнь не идёт больше по привычной колее, они стремятся к новому, неизведанному. Тем самым они испытывают судьбу. Но упомянутые жалобы имеют в виду не эти опасности, в них звучит озабоченность, что нынешнему и будущем поколениям окажутся не под силу те опасности, которые прошлые встречали с радостью. История показывает, что эта озабоченность нередко была оправданной: народ, едва достигнув вершины, быстро скатывался вниз.

Что приводит к такому упадку?

Нордическая раса достигла наивысшего подъема там, где смешались два родственных племени благородных кровей. Но в большинстве, если не во всех случаях, были контакты и с другими расами: завоёванная почти никогда не бывала совершенно необитаемой. Туземцы не могли оказать серьезного сопротивления, подчинялись новым господам, но и при них продолжали вести внеисторическую жизнь. Но, хотя они и не могли творить историю, они могли её портить, что они и делали, постепенно принижая своих господ до своего уровня. Это и есть упадок народов…

Покорённое население поставляло рабочую силу. Но правящий и низший слой смешивались. Женщины низшего слоя были лёгкой добычей господ, и в этот слой проникала кровь господ. Разница между слоями уменьшалась. Будущие бунтов-

щики чувствовали в себе господскую кровь и тоже хотели творить историю.

В этом плане неизлечимыми были последствия перехода к городской жизни… Из истории античных и средневековых городов известно, что рядом со старым господствующим слоем быстро возникало сословие торговцев и ремесленников, которое требовало для себя равных прав и в итоге оттесняло старых господ. Требование равноправия распространялось и на браки, и начиналось смешение сословий. Основное направление этого процесса было всегда одним и тем же: изменялся и расовый состав народа.

Афины, Рим и средневековые города достигли высшего расцвета, когда этот процесс шёл полным ходом. Разумеется, мы должны приписать их великие достижения благородной крови расы господ. Творческие люди этих городов имели большой процент крови нордической расы. Каким же еще мог быть источник их творчества? Но процесс смешения представлял собой угрозу для этой крови.

Теперь нам становятся понятными жалобы, раздававшиеся даже во времена расцвета. И чувство опасности побуждало к действиям. Столетиями нордическая раса жила, не испытывая потребности описать міру свою суть. Но когда эта суть оказалась под угрозой, нашлись люди, которые осознали и описали её… Не была ли это лебединая песнь нордической расы?

7. Упадок

Когда описанные опасности становятся настолько большими, что народ не может больше им противостоять, начинается упадок.

В городах менее ценным людям легче оттеснять более ценных. В деревенских условиях раса сохраняется, и здоровое крестьянство остаётся источником постоянного омоложения народа… В городах же власть дают деньги…

Расовые причины упадка действуют медленно. Он может быть ускорен, если иссякнет приток в город людей из села. Вспомним, каким внезапным был упадок Афин. То же может случиться и с целой страной, пример, - Испания XVII века… Эта страна переживала тогда расцвет городов, но одновременно массы наиболее способных людей уезжали в Америку и стали там родоначальниками неполноценной смешанной расы.

Почему города не могут удержаться на высоте своими силами? Сегодня нет больше сомнений в том, что таланты наследуются. Но в городах талантливый род вымирает тем быстрей, чем ценней его наследственная масса. Город нуждается в постоянном притоке людей из села и вымирает, если этот приток иссякает. А поскольку вымирают именно ценные люди, неполноценные занимают их места…

…Сосредоточение всей жизни в не обновляемом больше деревенскими жителями городе следует считать конечной фазой исторического бытия народа.

Урбанизация, постепенное исчезновение благородной расы находят свое выражение в определенном психическом состоянии, которое означает конец всякого творчества. Его характеризуют 4 важнейшие черты:

1. Человек начинает верить, что всё в его руках и он не зависит ни от какой высшей силы. Деятельность человека ничем больше внутренне не обусловлена.

2. Горожанин забывает о вечных законах жизни, он живет в искусственном міре, в отрыве от корней, и в этих условиях творческая сила быстро исчезает.

3. Человек в городе освобождается от борьбы за пропитание. Люди становятся физически и духовно слабей.

4. Внешние впечатления не могут больше перерабатываться внутренне, их восприятие притупляется, и человеку требуются все новые средства от скуки. Отсюда жажда развлечений, свойственная жителям больших городов. Способность к самостоятельному творчеству утрачивается.

8. Изменение исторических форм

Итак, подъем и упадок народов связаны с расовыми сдвигами, с тем, что к власти приходят иные круги. Напрашивается мысль, объяснить этим же и другие изменения в жизни народов, их разный облик в разные эпохи. Афиняне после Пелопоннесской войны отличались от тех афинян, какими они были накануне Греко-персидских войн, римляне поздней Империи от римлян эпохи Республики, а нынешние немцы отличаются от средневековых и даже от немцев времен Гёте.

Историческая наука ищет причины этих изменений в том, что духу надоедает одно направление и он начинает развиваться в другом, часто противоположном, или видит в них необъяснимые проявления Мірового Духа.

Для настоящего объяснения надо заняться реальными людьми. Но изменения в жизни сообществ людей нельзя сравнивать с изменениями в жизни отдельного человека. Иногда говорят о молодости и старости человечества и отдельных народов и строят на этом сравнении целую философию истории. Но это лишь сравнение и притом не очень удачное… Не одни и те же люди из среды немцев строили здания в романском и готическом стиле, в стиле Ренессанса и барокко. Если мы исходим из того, что в творчестве выражается расовая психология людей, мы не может признать за ними способности к изменениям, несовместимым с расой. Возьмем еще более яркий пример: у Тримальхиона пировали не те римляне, которые сражались против Ганнибала. Правда, Гёте оставался образцом несмотря на переходы от рококо к «Буре и натиску», от классицизма к романтизму, но это великое исключение.

Итак, исторические изменения нельзя понять, сравнивая их с изменениями в жизни отдельного человека (Шпенглер ничего не знал о наследственно обусловленных задатках человека и придерживался старого представления, будто для воли нет ничего невозможного). Лицо разных эпох определяет смена правящих групп. В одни и те же годы жили люди разных эпох,

но люди прошлого теряли свое влияние. И когда расцветал Ренессанс, продолжалось строительство готических соборов, а стиль барокко не вытеснил живопись в стиле Ренессанса. И во времена Империи жили ещё римляне старого склада, но они вынуждены были оставаться в стороне, так как не могли уже изменить ход событий.

Народы состоят из людей разных типов. Есть люди, предназначенные для того, чтобы находить выход из трудных положений и давать новые импульсы. Но иногда определенный тип оказывается наверху только благодаря численному перевесу. В любом случае всё зависит от конкретной ситуации. Даже самая талантливая личность не сможет ничего сделать, если время не предоставит ей никаких возможностей. Если бы граф Шлиффен дожил до Міровой войны, он мог бы стяжать славу одного из величайших полководцев.

Так что внешние условия не настолько безразличны, как иногда думают при одностороннем упоре на расовой идее. От них зависит, почему у власти оказывается тот, а не иной человеческий тип.

Упадок народов и их урбанизация ведут к изменению психического склада. Мы привыкли различать «культуру» и «цивилизацию». Вторая может вырастать из первой, но не наоборот. Первая ориентируется на духовные, вторая – на материальные ценности…

Есть две причины перехода от культуры к цивилизации.

1. Достижения нордической расы основываются на сочетании энергии и благоговения. Чем больше человек подчиняет себе условия своего бытия, тем больше он чувствует себя их господином и не испытывает больше никакого благоговения по отношению к ним… Место Судьбы занимает экономика. Воля растворяет в себе чувство долга. И от «культуры», связанной с верой в вечные ценности, люди переходят к «цивилизации», где господствует одна лишь воля. И наш мір небезопасен: в Германии ежегодно в ДТП гибнут более 8000 человек. Но в

этом міре без Бога в опасностях нет ничего судьбоносного и они порождают не веру, а разве что суеверия.

2. И духовные, и материальные ценности создаются творческими людьми… Но никто не может творить, если его творчества не ценят. Творения культуры может оценить лишь тот, кто усваивает их внутренне, а изделиями цивилизации может пользоваться кто угодно. При общем снижении духовного уровня творчество может идти лишь по второму пути.

Гегель в своей «Феноменологии» показал, как господин и раб меняются ролями. При этом он имел в виду развитие римского міра и распространявшегося в нем учения стоиков. Этот переход всемірно-исторического значения тоже можно объяснить с расовой точки зрения.

Сначала пришлая благородная раса образует слой господ, а покоренные ею туземцы находятся у неё в услужении. Но благодаря внебрачным связям все больше крови расы господ приникает в низшие сословия. Ювенал говорил в своей VIII сатире, что лучше быть сыном Терсита, если чувствуешь себя Ахиллом, чем сыном Ахилла, если ты сам похож на Терисита. Это пример того, как расы меняются ролями.

Во время войн число благородных уменьшается. Городская жизнь даёт низшим сословиям возможность обрести богатство и влияние. Известно, какие высокие посты занимали в Римской империи многие вольноотпущенники. А итоге низшие оказались наверху, но груз власти был для них непосилен и они только предавались наслаждениям. А люди благородной крови молча выполняли свой долг, защищая границы Империи, или, как стоики, с презрением смотрели на пошлость и глупость окружающей жизни. Это тоже героизм: когда всё вокруг него тонет в пошлости, герой спасает то, что еще можно спасти – честь.

Мы знаем последовательную смену стилей: романского и готического, Ренессанса и барокко, классицизма и романтизма. Что стоит за этими изменениями духа одного и того же народа? Несомненно, что каждый раз на эпоху накладывал свой

отпечаток определенный человеческий тип, выражая свою суть. Сильные люди другого типа оставались маргиналами, их время их не оценило, они становились предвестниками других времен, соответствующих их сути. Поэтому неверно приписывать «готическим людям» все черты одноименной эпохи. Тогда жили и неготические люди, эпигоны римской культуры и родоначальники нового естествознания. С другой стороны, во все времена жили готические люди. Так что эти названия относятся не только к определенным эпохам, но и к людям определенного психического склада, встречающимся во все эпохи.

Ни одна эпоха не определяется целиком людьми одного типа и один и тот же тип встречается во все времена, но проявляет себя в разной степени. Вопрос лишь в том, какие условия в определенные эпохи выдвигают на первый план людей определенного типа.

Движущая сила истории – Судьба как совпадение внутренних задатков и внешних возможностей. Эпоха ставит задачу, и определенные люди предназначены для ее решения.

Когда открываются новые возможности художественного творчества, люди, которые могут их использовать, привлекают к себе внимание и накладывают на эпоху свой отпечаток. Так сегодня на первое место вышла архитектура, удовлетворяющая потребности больших городов.

Иногда смена может быть вызвана вымиранием правившего прежде типа. В результате народ, по крайней мере, временно, получает ослабленное руководство. Так в Германии в прошлые века, вследствие господства теолого-философских тенденций познающие умы стояли выше изобретателей, а в XIX веке ситуация изменилась.

История может многому поучиться у психологии, которая сегодня уделяет особое внимание вопросу о типах (т.н. типология).

Лучше всего изучен переход от Ренессанса к барокко. Вёльфлин удивляется, как изменились тогда изображения людей, словно во Флоренции внезапно появились люди совсем

иного типа. Тон стали задавать другие художника, которые искали соответствующие их сути образцы. Все черты этих двух стилей восходят к двум типам людей, одни из которых воспринимают, в первую очередь, форму, а другие – цвет. Ренессанс – искусство форм, барокко – искусство цвета. Ренессанс, который дал сильные стимулы науке, обращал больше внимания на единичное, рассматривал предметы в состоянии покоя, искал реальные причины. Дух господствовал над жизнью. В барокко одно представление легко переходит в другое, все взаимосвязано, все в движении и цель важней причин. Тон эпохе задавала не наука, а музыка.

9. Задача

Ученые, которые в прежние времена смотрели на историю с расовой точки зрения, большей частью видели будущее в мрачном свете. Это неудивительно, поскольку самые разные причины вызывают порчу расы, и ни один народ до сих пор не смог этого избежать. Судьба античного міра стоит у нас перед глазами как грозное предостережение. Но такие люди, как Гобино, не могли представить себе то, что мы переживаем сегодня… Повсюду налицо признаки упадка. И кажется, будто пробил последний час міра, если нам не удастся изменить свою судьбу.

Решающий поворот в жизни человечества ознаменован тем, что руководство нашего государства первым сделало расовую гигиену народа своей высшей задачей…

Поскольку суть государства определяется поставленной им задачей, можно различить три этапа его развития. Сначала государство заботилось лишь о доходах населения и о внешней безопасности. Потом, когда верили, будто воспитанием можно достичь всего, главной задачей стало школьное воспитание. Сегодня мы знаем, что в человеке можно развить лишь те качества, которые в нем заложены, поэтому главная предпосылка правильного воспитания – хорошая расовая основа.

1. Главная задача – сохранение и умножение нордической расы как творческой расы в собственном смысле слова. Все разумные люди признают сегодня поставленную Гюнтером цель, определяемую термином «ренордизация». Понятно, что речь идет не только о физических признаках, но и о духовных задатках… Важен не просто прирост населения, а наличие слоя выдающихся личностей, способных руководить.

2. О значении притока населения из села в город уже говорилось… Многодетное крестьянство – основа здорового народа. Тот, кто хочет знать будущее народа, должен обратить внимание не на город, а на село: там оно рождается…

3. Мы назвали духовными предпосылками великих свершений нордической расы энергию и благоговение и указали на опасность поглощения второго первой… Как говорил Шиллер, благородный человек благочестив в своей свободе, а низкий – дерзок… Народ имеет историю лишь до тех пор, пока он сохраняет веру. Когда исчезает вера, наступает конечная стадия рационализированной и механизированной цивилизации.

4. В трудные времена большое значение имеет воспитание человеческого духа. Мы знаем, что оно зависит от задатков, но его нельзя и пускать на самотёк. Одного физического воспитания недостаточно, это пережиток ложной романтической веры в возможность возврата в первобытное состояние. Показательно в этом смысле отношение к математике: люди живут благодаря ей и в то же время испытывают к ней отвращение. Если бы сбылись мечты наших фантазеров, то через несколько дней остановились бы все предприятия и большинство людей умерло бы от голода. Математик, как к нему не относиться, - тайный властелин современности.

Наша школа за последние десятилетия зашла в роковой тупик. Одни учатся слишком много, другие – слишком мало… Первая опасность теперь общепризнанна благодаря работам Хартнакке. С другой стороны, учителя уделяют слишком много внимания отстающим в надежде, что талантливые пробьются сами. Это неразумная трата сил…

Необходимо реформировать среднюю школу таким образом, чтобы она давала законченное образование, и сократить число учащихся высших учебных заведений…

Учеба не должна сводиться к обретению знаний, не имеющих практического применения.

10. Смысл истории

На вопрос о смысле истории обычно отвечают, что он заключается в некой внутренней взаимосвязи последовательных по времени событий. Великолепный пример такого толкования дал Гегель. Но сегодня со всех сторон слышаться возражения против деления истории на античность, средневековье и новое время. О неудачности сравнения с периодами жизни отдельного человека уже говорилось. Как только мы признаем расу главной движущей силой, станет невозможным включать народы в процесс поступательного развития. Везде мы имеем дело с одной и той же расой, а более раннее или более позднее выступление народов на историческую арену зависит от более или менее случайных обстоятельств. И не всегда будущее вытекает из прошлого. Индия и Китай стоят особняком. Перед нами только пример перехода от античного к германскому міру, но сколько было тогда потеряно! Поступательно развивается только техника.

Противоположен другой взгляд на историю, подготовленный Гердером, развитый Лампрехтом и особенно Шпенглером. Согласно ему каждый народ (у Шпенглера каждая «культура») проживает замкнутый исторический цикл, проходя одни и те же этапы. Но всем этим мыслителям была совершенно чужда расовая идея. Шпенглер даже отказывался от объяснения причин и предпочитал художественное описание различных эпох…

Если же видеть в расе истинную причину истории, то и ответ на вопрос о смысле истории будет совсем другим. Тогда не имеет значения очередность выхода народов на историческую сцену. В каждом случае одна и та же раса имеет сходную судь-

бу. Но следует учитывать и различия, вызванные смешением этой расы с другими.

Ход времени вообще не так уж важен, когда мы говорим о смысле истории. Он заключается скорее в великих свершениях народов, соответствующих их расовым задаткам. Эти свершения безсмертны и вечны. Не периоды становления и упадка делают народы историческими, а их высшие достижения в краткие периоды расцвета, только они имеют ценность и остаются в памяти. В этих достижениях и заключён смысл истории.

Смысл вообще вне времени, это вечное в конечном. Исторические события это нагромождение безсмысленных случайностей… Согласно Платону, время – это подвижный образ вечности, но никогда не сама вечность. Слабая сторона исторической концепции Гегеля в том, что он возводит время в абсолют, и Шпенглер в этом с ним солидарен.

Итак, смысл истории в том, что создано в разных местах одной и той же расой. Наоборот, результаты этих достижений с точки зрения смысла истории не имеют значения. Важно каждый раз то, что создаёт новый народ, а не то, что им унаследовано. В этом не зависящее от хода времени единство истории, основа которого – единство творящей историю расы…

…Смысл истории – в кратких периодах расцвета. Но так и в жизни отдельного человек главным может быть тот миг, когда герой жертвует жизнью за родину или когда ученый вдруг открывает новую истину. Всё остальное, что происходило в их жизни, обретает значение лишь в этот момент, ради него они жили и благодаря ему остаются с памяти людей.

Ведь и вся история так коротка по сравнению со временем эволюции человека и его рас. И она покажется еще короче, если сравнить её с историей Земли или Вселенной. Слово «история» имеет разное значение в гуманитарных и естественных науках…

… Если считать, что всё развитие Вселенной совершалось ради какого-то момента, то его значение явно имеет какой-то иной источник, а не время. Один момент уравновешивает всё

предыдущее развитие… И давно уже длится спор между мудрецами: то ли мы думаем о міре, потому что он есть, или он вообще есть лишь потому, что мы о нём думаем.

Так міровая эволюция возрождается из внутренней сути міра в духе человека. Дух, разум, самосознание – цель міровой эволюции. Мір таким образом познаёт себя, в разных формах, но все они совпадают в том, что самосознание – вечная ценность бытия. Разные формы, о которых здесь идёт речь, это справедливость, красота и мудрость.

Романтизм приучил нас искать смысл истории в загадочной последовательности эпох. Взгляд, который излагается в данной книге, скорее соответствует более старой концепции, которая искала этот смысл во вневременных ценностях. Эта концепция жила в вере гуманистов в то, что в лице народов древности мы имеем родственное нам, самое благородное человечество. Мы можем вспомнить и слова Гёте: Лучшее в истории это воодушевление, которое она у нас вызывает.

Мы можем вспомнить и еще более древнюю концепцию: В человеке творение приходит к познанию самого себя. Тем самым оно соприкасается с божественным. В непрерывном становлении оно выявляет вечные законы. Это вечное – божественная основа міра, откровение Бога в нём…История – это путь, ведущий человека к познанию вечного.

Ю.Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен-Берлин, 1940
«Атеней», №9-10, с.184-193.
Пер. с нем. – А.М.Иванов

РОДОВЫЕ И РАСОВЫЕ КОРНИ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ

(Юнкер унд Дюннхаупт Ферлаг, Берлин, 1944)

Предисловие

Данная работа представляет собой попытку дать ответ на ряд вопросов, которые история философии до сих пор не ставила. Это лишь попытка, но отнюдь не окончательное решение. Если не каждое предложение сопровождается словами «может быть», «вероятно» и т.п., то исключительно ради экономии места – читатель может сам ставить их в любом количестве в зависимости от того, насколько критически он настроен.

Я постарался избежать соблазна делать экскурсы в смежные области. Я понял, исходя из своего собственного опыта, что мы сможем продвигаться вперёд лишь в том случае, если каждый будет заниматься своим делом без уклонов вправо или влево. Положительные результаты можно получить лишь точно зная детали, а поспешные обобщения ничего не дают. В одном места я затронул и науку, потому что она отделилась от философии постепенно и никогда не теряла с ней связь. Зато искусство живёт в совсем иных условиях, поэтому философские познания нельзя переносить в эту область без оговорок...

... Расовую идентификацию философов по их портретам дал мой здешний коллега Пфаллер. Его оценки компетентны, поскольку он написал работу о расовых ядрах немецкого народа. Консультировал меня в качестве расолога также мой здешних коллега Гизелер. Разумеется, остаются сомнения, насколько портреты отражают подлинные черты, не искажены ли они из-за неумения или под влиянием настроения художника. Часто влиял также стиль эпохи. Чтобы компенсировать эти недочёты, использовано большое количество портретов. Выражения типа «нордическо-динарский» означают преобладание нордических черт с заметной примесью динарских.

М. Вундт, Тюбинген, лето 1943

1. Задача

Философия занимает высокое положение в наследии немецкого духа, которым живёт наше образование. Хотя сама она понятна лишь немногим, в других одеяниях она доходит до многих через поэзию, музыку, архитектуру, религию, так что она влияет на дух народа многими путями... Но ни одно из этих духовных богатств не становится достоянием образования, пока на него не прольётся свет философии.

Но на вопрос, что такое, собственно, немецкая философия, наука прошлого не давала ясного ответа. Наши знания о ней имеют много пробелов, поэтому мы не можем охватить её как целое и понять ответвления от этого целого. Её редко рассматривают в чисто историческом плане, обычно выпирает собственное Я автора, который берёт из прошлого лишь то, что ему самому нравится. Редко встречается непредвзятый подход к наследию в целом. Когда историю философии пишут сами философы, это всё равно, как если бы историю поэзии писали поэты, а историю живописи – художники. Исторической справедливости в таких случаях ожидать не приходится, налицо лишь личные симпатии. Философы обычно брали из прошлого своей науки лишь то, что, по их мнению, ещё сохраняло значение для современности. Так поступают и представители конкретных наук, когда обращаются к их истории, но они имеют на это больше права...

Поэтому обычно ограничиваются великими мыслителями, так как они перерастают рамки своей эпохи, ставшей нам чужой, и ссылаются на них, когда говорят о немецкой философии, хотя именно они, вследствие их уникального положения, не могут свидетельствовать о целом. Поэтому мы знаем немецких философов, но не немецкую философию. Каждый из них кажется чудом, возникшим из ничего и не связанным ни с прошлым, ни с будущим.

Поучителен будет взгляд на смежные области. Не может считаться знатоком немецкой поэзии тот, кто знает лишь ве-

личайших поэтов. Раньше её подъём связывали с именами Клопштока, Лессинга, Виланда и Гердера, но сегодня этих имён недостаточно, чтобы описать условия возникновения поэзии Гёте и Шиллера. Кто поймёт Дюрера и Гольбейна, не зная предыдущего развития немецкой живописи? Эти и другие области должны быть образцом для общего обзора немецкой философии, они не ограничиваются индивидуальным, а пытаются понять индивидуальное через целое.

В искусстве и поэзии видят выражения народного духа и рассматривают их развитие как часть истории немецкой души. Общую картину определяет многообразие германских племён. Можно определить вклад каждого из них, и когда говорят о нижнерейнской или швабской живописи, о силезской или гамбургской поэзии, каждый понимает, о чём идёт речь.

В области философии нет ничего похожего. Известно, что Кант был родом из Восточной Пруссии, а Гегель и Шеллинг из Швабии, но это мало что нам говорит, если мы не знаем, что ещё дали в философии эти области, и сомневаемся, можно ли считать выдающиеся умы образцами обычного человеческого типа.

Итак, если мы хотим дать общий обзор немецкой философии, мы должны нарушить прежние рамки и не ограничиваться одними корифеями. Мы должны понять, из каких корней они выросли... В данной работе намечены лишь контуры общей картины.

Сначала необходимо дать кое-какие разъяснения общего характера... Термины романский и готический стиль, Ренессанс и барокко, классицизм и романтизм пробуждают в нас вполне определённые представления. Но на вопрос о причинах перехода от одного стиля к другому нам дают либо неудовлетворительный ответ, либо вообще никакого. Эти причины ищут во внешних обстоятельствах, но при этом вступают в противоречие с психологией, которая учит, что основная психическая структура человека не изменяется под внешними влияниями.

Главное заблуждение при этом заключается в том, что на народ смотрят как на одного большого человека и изменения духа времени сравнивают с изменениями на протяжении жизни одного человека. Такие изменения невозможны для человека вполне определённого расового типа, столь разные роли может играть только человек очень смешанной расы, у которого отсутствует творческий дух.

Лучший путь – учёт разного вклада разных германских областей, которые попеременно играли руководящую роль, когда дух времени соответствовал их сути. При этом нельзя останавливаться на уровне областей. Их своеобразие определялось их расовой структурой, долей отдельных рас. Одни и те же расы действовали в разных областях, но в разных смесях. Поэтому люди, особенно пригодные по своей сути для решения задач определённой эпохи, имелись в разных областях. Мы можем сказать, что на разные эпохи накладывали свой отпечаток люди разного типа. В народе во все времена имеются задатки любых возможностей, но они проявляются попеременно. Условия эпохи дают шанс определённому типу и приводят его к власти. Какие это условия – предмет особого исследования, но это лишь побочные причины, а первопричины – в самом человеческом типе. Но не следует думать, будто в определённую эпоху все люди имели готические или классические черты. Всегда существовали и люди других типов, но время не давало им проявиться, они смогли это сделать позже, когда изменились условия. Поэтому термины «готический» и т.п. относятся не к определённой эпохе, а к психологическому складу, существующему во все времена...

Разумеется, и создателями разных направлений немецкой философии были люди разных типов. Ни один другой народ нового времени не обладает столь многообразными способами философского мышления, как немецкий, а это можно объяснить лишь многообразием живущих в нашей стране человеческих типов. Тем самым мы связываем немецкую философию с

жизненной основой немецкого народа, а раньше она была оторвана от неё и витала в воздухе чистых идей.

Но, чтобы перекинуть мост от философии к расе, нужны промежуточные опоры, ибо философия и биология оперируют разными понятиями, одна занимается духом, другая – телом. Связующее звено между ними – душа, и здесь вступает в свои права психология, особенно её новая отрасль – типология... Она изучает разные способы восприятия человеком мира и умственной обработки восприятий. Отсюда прямой путь к философским направлениям. «Какую философию человек выбирает, зависит от того, что это за человек, ибо философская система это не предмет домашнего обихода, который можно взять или отложить, она одушевлена душой человека, который её исповедует».

Когда мой отец, Вильгельм Вундт, призвал сделать психологию такой же опорой гуманитарных наук, какой для естественных является механика, его не поняли, так как психология тогда до этого ещё не дозрела. Она исходила из самых простых психических процессов. (Против этого метода перехода от простого к сложному могут возразить, что психическая жизнь таким образом механически делится на элементы. Когда к этому сегодня добавляется толкование Гегеля, это признак крайнего непонимания. Те, кто приписывает эту концепцию моему отцу, не читали его книг. В действительности его научные взгляды на душу формировались в борьбе против настоящей «элементарной психологии», а именно психологии Гербарта). Казалось, от этого ещё очень далеко до тех в высшей степени сложных психических состояний, которыми занимается история. Но знание этих элементарных процессов уже помогало при изучении языка, сказаний и обрядов. Но важнейшей гуманитарной наукой оставалась история, и вопрос должен был решиться на неё почве. Ей тоже пришлось усваивать психологические термины, используя при этом метод Дильтея... Однако гуманитарная психология не смогла установить правильных отношений

с терминами, разработанными естественными науками, и в ней усилилась тенденция рассматривать духовную сферу вне связи с её жизненной основой... Между тем развивалась и психология, больше связанная с естественными науками, особенно с биологией. Она никогда не отрывалась от жизненной основы и стремилась вывести закономерности психики из закономерностей жизни. Она указала на разные направления развития человеческой психики, определяющие всё отношение человека к миру и самому себе. Эта типология пришла на смену психологии Дильтея...

... История, со своей стороны, может обогатить эти картины человеческих типов. Психологи занимаются обычными людьми, а история даёт нам примеры великих людей... Она служит своего рода увеличительным стеклом. Потребность в таком увеличении понятна, психологи используют в этих целях болезненные отклонения...

Типология пока ещё не пришла к окончательным и общепризнанным результатам. Она даёт нам разные возможности различения, но остаётся неясным, какова взаимосвязь типов и лежат ли в их основе принципиальные различия. Поэтому лучше выбрать из предлагаемых ею примеров те, которые помогают решить определённые задачи.

Вопрос о родовых и расовых корнях немецкой философии до сих пор не поднимался. Я могу указать лишь на небольшую, но ценную работу Вальтера Раушенбергера «Философский гений и его расовое происхождение» (1922), но этот автор ограничивается выдающимися мыслителями. Между тем, философия особенно пригодна для таких исследований, подкреплённых типологией, больше чем наука или искусство. Наука сильнее, чем философия, зависит от своего предмета, учёные не отличаются особым своеобразием. Разумеется, и здесь есть различия, одни больше склонны к анализу, другие к синтезу, даже в математике чётко проявляются различия между немцами и французами... В искусстве различия более заметны, так как в

произведениях искусства непосредственно выражается психический склад их создателей. Но стили воспринимаются скорее эмоционально, при этом неясно, вызывается ли эмоция произведением искусства или исходит из нас самих.

Философия похожа на искусство тем, что она в большей мере, чем наука, даёт свободу действий чистого творчества. Но если художник творит бессознательно, то философия – осознанное творчество. Она сама говорит о себе, что она собой представляет, отмечает свои особенности. Это выражается в знаменитых «-измах», и многие философы стремились приложить к своему учению такой «-изм» в качестве названия. Нам эти названия представляются слишком приблизительными.

Искусство может послужить нам образцом ещё в одном плане. Мы рассмотрим творения философского ума несколько иначе, чем обычно в истории философии. Её интересует структура мысли, а нас – психический склад. Тут как с архитектурным сооружением: строитель смотрит на него одними глазами, любитель искусства – другими...

Разумеется, не каждая часть философских конструкций может быть объяснена на базе родовых и расовых предпосылок. Здесь речь пойдёт только о влияниях задатков, но не о влияниях среды, поскольку основное содержание обуславливается ими.

Нас интересуют, прежде всего, великие мыслители, но мы не можем брать их за исходную точку. Часто их трудней всего понять, потому что их творения уникальны и не допускают сравнений. Эти люди настолько возвышаются над своим окружением, что кажутся ему чужеродными, их не понимают. Нет пророка в своём отечестве. Поэтому выводить их из их рода часто можно лишь с оговорками. Мы знаем, что ко всем германским племенам приставали чужеродные элементы. Может быть, конфликт между великими людьми и их родиной часто объясняется наличием в их крови такой чужеродной примеси. Поэтому важно знать не только племя таких людей, но также их род. Но, чтобы правильно оценить духовный вклад разных

кровей, нужны критерии, а их можно получить только путём исследования более широких философских течений. Надо исходить из них и лишь потом посмотреть, как выглядят гении в свете полученных знаний.

Важнее всего ограничение во времени. Нельзя брать всю историю немецкой философии, а сосредоточиться на том периоде, который сулит наибольший успех. Сразу отбрасываем Средневековье – мы знаем лишь отдельных философов этого времени, и это были монахи и священники. Они учили как в самой Германии, так и вне её, и трудно найти что-то национальное в их учениях. К тому же расовая структура германских племён впоследствии неоднократно менялась.

Отбросим и последние сто лет. И в этот период каждого мыслителя надо рассматривать самого по себе, ибо не было больше школ и каждый пытался проложить свой путь через густой лес духовного наследия. Многообразные направления того времени ещё не изучены. Картину осложняет свобода передвижения. Отцы стали часто переезжать и брали жён из других мест. Родословные становились пестрей. Хороший пример – семейство Фихте, которое дало немецкому народу двух философов, отца и сына. Старший, Иоганн Готлиб (1762-1814), был родом из Верхнего Лаузица, где жили несколько поколений его предков, но женой его стала швейцарка из Цюриха, отец которой был женат на сестре Клопштока. Так что у младшего, Иммануила Германа (1796-1879) предки были из разных мест. Как найти здесь определяющее влияние? Родился он, кстати, в Йене, а вырос в Берлине. Родиной таких людей была только Германия. В старые времена большинство училось в университетах своих земель, и если там не находилось подходящего учителя философии, у студентов не развивались собственные задатки и на них накладывали отпечаток особенности земли. В XIX веке каждый мог учиться, где хотел, а книги позволяли знакомиться и с учителями, живущими далеко. Так всю Германию опутал клубок нитей, который трудно размотать.

На исходе Средневековья философию сильно потеснили гуманизм и Реформация, так что в XVI веке о ней мало было слышно. Только в конце этого века появляется новое течение, начало которого можно датировать 1590 годом. Далее следует непрерывная цепь философских достижений, последним звеном которой можно считать смерть Гегеля (1831г) или, если включить в неё позднего Шеллинга, завершить её началом 40-х годов XIX века. Этот период, охватывающий 250 лет, включает в себя большую часть того, о чём мы думаем, когда речь заходит о немецкой философии.

На этот период приходятся два великих духовных перелома, поэтому он делится на три отрезка, которые резко отличаются друг от друга. Обычные названия этих философских эпох, схоластика, Просвещение и романтизм, используется здесь лишь как опознавательные метки. Первый отрезок времени – с 1590 по 1690 год, тот год, когда Христиан Томазий (1655-1728) начал преподавать в Галле. Просвещение тоже длилось примерно век, до 1790 года. 80-е годы – переходный период, тогда (в 1781, 1788 и 1790гг) вышли три «Критики» Канта. Новое движение началось в 90-х годах и продлилось полвека. Его содержание связано с тем, что мы привыкли называть очень расплывчатым термином «романтизм». Чтобы как можно меньше использовать эти вводящие в заблуждение названия, мы будем говорить о XVII, XVIII и начале XIX века.

Эти периоды резко отличаются друг от друга. Старое время видело в новом порчу научного и нравственного духа, а новое в старом – бесплодный спор о терминах или просто пустословие. Каждое направление в своё время имело много сторонников и удовлетворяло философские потребности нашего философски одарённого народа. Какое же представление об истории философии мы будем иметь, если поверим, что одно поколение состояло из одних безумных идиотов, а другое – из умных людей!

Для непредвзятого исторического анализа надо узнать, в чём заключалась конечная причина того, что разные направления

столь непримиримо оспаривали друг у друга право на существование... Речь идёт о разных человеческих типах, которые попеременно получали слово и вследствие своего своеобразия не могли понять другой тип. Многообразие немецкой философии коренится в многообразии немецкого народа. В данной книге этот тезис будет доказан. Остаётся открытым вопрос, почему эти типы поднимали свой голос именно в такой исторической последовательности и находили отклик. Последнее важнее всего: люди всех типов выражают свои мнения везде и всегда, только одних слышат, а других нет. Главной причиной может быть стремление к новому. Идейный мир, который исчерпал себя, больше не привлекает внимание и отходит на задний план, а его место занимают другие идейные миры. Для одного человеческого типа игра окончена, он должен уйти со сцены, а другой начинает задавать тон. Почему время благоприятствует именно такому, а не другому направлению, зависит от многих условий.

Из названных трёх направлений ближе друг к другу стоят два первых. Хотя они противоположны, они взаимно стимулируют и освещают друг друга. Поэтому их следует анализировать вместе. Третье направление отлично от них обоих и противоположно им обоим, поэтому оно может быть понятно только на основе знания двух первых.

2. Схоластика и Просвещение.

Под схоластикой здесь понимается не средневековая схоластика, которая обычно первой приходит на ум, а немецкая схоластика XVII века, особенно развившаяся в протестантских университетах. Её отличительной чертой было обновление метафизики...

Когда мы будем говорить о философии схоластики и Просвещения, мы просим читателей по возможности забыть обо всех представлениях, связанных с этими названиями. Это порождение теологических баталий XIX века. В схоластике фи-

лософия не была служанкой богословия, как обычно считают. Её основными темами, которыми она занималась, опираясь на Аристотеля, были учения о сущем и его состояниях... Скорее можно задать вопрос, не попало ли богословие в зависимость от философии, навязавшей ему свои методы мышления, так что оно не могло ступить ни шагу, не пользуясь философскими терминами. Просвещение освободило философию от связи с богословием... Но ведущие мыслители того времени держались за традиционные религиозные учения в полном объёме и отвергали неудобные для них выводы из их же установок. Многие из них (Будде, Крузиус) сами были влиятельными теологами и полной противоположностью тому, что понимают под Просвещением.

Но эти термины непригодны для понимания обоих течений. Их философскую суть надо объяснять, исходя из них самих, а не из их мнимого или действительного отношения к теологии.

Вся философия схоластики была сосредоточена на проблеме бытия, на реалиях, а не на мыслительных конструкциях... Последние она не очень отличала от простых выдумок и противопоставляла вымышленному бытию реальное бытие. Но простые понятия считались частью реальности, а не духовной сферы. Предмет и представление, реальность и Я не разделялись не ставился вопрос о вкладе той или иной стороны. Их единство воспринималось как реальность. Нам этот образ мышления стал чуждым, потому что большинство авторитетных до сих пор философов думало иначе. Трудность понимания схоластического метода мышления не в чрезмерной сложности его терминов, а в его ориентации на бытие, которую мы утратили.

Нам кажется, что истина существует только в мыслях, а ведущие мыслители XVII века искали её сначала в вещах и лишь потом переносили в духовную сферу. Само бытие истинно и не становится таковым лишь благодаря мысли. Истина – суть вещей... Истина – само бытие, она едина с ним...

Теории познания в нашем смысле не было, познание укладывалось в рамки психологии... Там, где эта теория всё же возникала, познание больше связывалось с предметами, а не воспринималось как самопроизвольная деятельность. Его принципы были такими же, как принципы бытия... Гутке, создатель теории познания того времени, ориентировал познание на тонкость взаимосвязей между вещами, а не на тонкость ума.

... Особенно оригинальным было учение о состояниях сущего. Оно было главной частью метафизики. Эти состояния описывались каждое само по себе, без связи с другими...

Особенность этого образа мыслей в его связи с реальностью... Ориентацией исключительно на познание объясняется перегруженность этой эпохи знаниями... Такие установки были более строгими у лютеран, чем у реформаторов...

Совсем иным было лицо философии Просвещения. Правда, она не была столь единой, как философия XVII века. Новое направление началось с работ Христиана Томазия. К нему примкнули Будде и Рюдигер. В то же время писал свои работы Христиан Вольф (1679-1754), который оказал мощное влияние на всю Германию. Он частично принимал новое направление, но хотел возродить старое, лишь немного модернизировав его, поэтому его нельзя считать типичным представителем философии Просвещения, хотя он и был самым влиятельным, так как этим влиянием он был частично обязан именно тем идеям, которые больше соответствовали прежним установкам.

Дуга нашего бытия протянута между Я и миром, которые находятся в постоянном взаимодействии. На их отношения между собой можно смотреть как с одной, так и с другой стороны. Схоластика исходила из реальности, и Я было для неё лишь звеном материальных взаимосвязей, а новое время поставило Я в центр и стало смотреть на реальность с его точки зрения, мышление сосредоточилось на человеческом Я. Человек был поставлен на первый план, а философия превратилась в науку о человеке. Это было характерно уже для Томазия. Интерес вы-

звали не состояния бытия, а состояния души. Старое учение о бытии стало пустым звуком. Подлинное содержание, согласно новым взглядам, могло восприниматься только душой. Вольф пытался использовать новую аргументацию с целью обновления старой онтологии.

Бытие утратило своё содержание. Мысль переключилась на самопознание... занялась не бытием, а только своим знанием о бытии.

На этих же позициях стояли в последние десятилетия психологизм и неокантианство. На первый план выдвигается вопрос о познании как таковом. Логика при этом нередко рассматривается как часть психологии. Раньше господствовало мнение Аристотеля, что форма мышления это и есть форма бытия. Теперь всё внимание было обращено на возникновение форм мышления из человеческого Я. Истина тоже понималась с точки зрения Я... как соответствие мышления восприятию (Рюдигер)...

... Действительное бытие оказалось теперь вне сознания, тогда как раньше бытие и сознание составляли неразрывное единство. Вольфа за попытки обновить старый образ мыслей подозревали в «идеализме».

С другой стороны, черты нового особенно резко проступали именно у Вольфа. Схоластика коллекционировала состояния бытия, но не интересовалась их взаимосвязями... Теперь же внимание было больше обращено на взаимосвязи, чем на содержание. Вольф был математиком, и его наука была для него образцом научного познания вообще. Если схоластика знала только закон противоположностей, то Вольф опирался на закон причины и следствия...

Пользуясь выражением Фихте, можно сказать, что в схоластике не-Я определяло Я, а в Просвещении наоборот. Просвещение вообще придавало большее значение действию, чем знанию. Если раньше знание было самоцелью, то теперь оно было поставлено на службу действию. Схоластика казалась

теперь бесплодной, потому что её знания ничего не давали жизни. Как известно, первоначально связанный с Просвещением пиетизм, в противоположность прежней теологии и её чистой учёности, стремился занять активную жизненную позицию.

После этого обзора двух идейных направлений, зададим вопрос о человеческих типах, которые в них выражались. Что предлагает нам психология? Это, прежде всего, типы экстравертов и интровертов (К. Г. Юнг. «Психологические типы», 1921)...

Правда, нельзя просто перенести эти типы на наши исторические формы. Юнг, как и большинство психиатров, склонен больше обращать внимание на примеры неполноценных людей, потому что у них более ярко проявляются черты определённого типа, а мы имеем дело со здоровыми людьми и гениями... Не бывает абсолютных экстравертов или интровертов, а в той или иной степени преобладает та или иная сторона. Любая профессия привлекает людей определённого типа.

Мы имеем дело только с философами, т.е. с учёными, людьми умственного труда. Мы вправе рассматривать их как интровертов. Ярко выраженные экстраверты не годятся в философы. Но и среди людей философского типа есть различия, которые видны только под увеличительным стеклом. Этим увеличительным стеклом являются для нас произведения философов.

Разницу между схоластикой и Просвещением можно понять, пользуясь терминами Юнга. Исходной точкой мышления экстраверта является реальность, интроверта – его внутренний мир. Первый тип это схоластика, второй – Просвещение; в первом случае мы имеем дело с вещами, во втором – с мыслями о вещах. Смена эпох и их философского содержания означает, что к власти пришёл другой человеческий тип... Юнг говорит, что мыслители-экстраверты не очень озабочены самостоятельностью своих мнений, но с необыкновенным упорством защищают свои взгляды, а интроверты создают оригинальные учения, но предоставляют их своей судьбе, не особенно защищая

их от нападок. Именно такова разница между схоластикой и философией Просвещения. В XVII веке чтили авторитеты, особенно Аристотеля, тем не менее это был век бурных споров, и научная работа заключалась, в основном, в опровержении других мнений. В XVIII веке каждый выдвигал своё учение, но не испытывал потребности сражаться за него. Томазий и Вольф подчёркивали своеобразие своих учений – в XVII веке это сочли бы за дерзость. Но Томазий отказывался отвечать на нападки, говорил, что никому не навязывает своих мнений, у каждого свой вкус. Вольф отвечал лишь когда затрагивали его честь, но делал это неохотно, считая, что лишь бесплодные умы могут находить удовольствие в подобных спорах, а тот, у кого есть свои идеи, предпочтут развивать их, а не ругаться с другими...

Обратимся теперь к вопросу о родовых и расовых основах. С первыми дело обстоит проще...

На 1-й карте показаны места рождения схоластиков, на 2-й – просветителей (см. приложение). Сразу бросается в глаза, что основная их масса приходится на разные области.

Большинство схоластиков были родом из Центральной Германии – Тюрингии, Гессена, западной части Саксонии и Брауншвейга. Михаэль Вольф родился в Регенсбурге, но его родители бежали из-за религиозных конфликтов из Веймара. И. Клауберг (1622-65) был из Золингена, но он лишь условно относится к схоластикам, так как он пытался внедрять в Германии картезианство. Корнелиус Мартини, родители которого бежали из Антверпена от герцога Альбы, был главным инициатором обновления метафизики, но продолжал также идеи гуманизма...

Зато места рождения ведущих просветителей почти все находятся в Восточной Германии – Саксонии, Лаузице, Силезии, Мекленбурге, Померании и Восточной Пруссии... Восточными немцами были Х. Томазий, Х. Вольф, Будде, Рюдигер, Баумгартен, Мейер, Готтшед, Кнутцен, Крузиус, Дарьес...

Итак, схоластика и Просвещение уходят своими корнями в две разные области, но и та, и другая – области северной, протестантской Германии. Проходящая между ними граница известна, она имела большое значение в германской истории. Она идёт от Кильской бухты на юг к Эльбе, потом вниз по Эльбе до устья Заале, потом вдоль по Заале и дальше к югу вдоль реки Наб. Земли к востоку от этой линии германцы в раннем Средневековье отдали славянам, а потом снова их отвоевали. В одних местах славяне заходили к западу от этой линии, в других к востоку от неё ещё оставались немецкие поселения, но в целом эту линию можно считать границей между исконными германскими землями и колонизованными восточными землями. Схоластика имеет свои корни в исконных землях, Просвещение – в колонизованных.

Но необходимо рассмотреть также исключения из правил... Начнём с уроженцев колонизованных земель из числа схоластиков. Это лютеране Гутке, Калов и Дрейер и реформаты Тимплер и Кеккерман. Философские таланты уроженцев этих земель, как видим, проявились уже тогда. Все названные философы были самостоятельными мыслителями, они искали свой путь, что было нетипично для этого времени, так что черта, характерная для просветителей, проявилась в этих местах уже тогда. Особенно важно направление поисков ими самостоятельности. Гутке и Калов были её создателями... Гностология – творение колонизованных земель, она предоставлена почти исключительно их уроженцами, схоластика других мест её не знала...

... Даниэль Крамер из Неймарка в своём введении в метафизику Аристотеля (1594) положил начало новому направлению, перенеся центр тяжести с бытия на познание. Христиан Дрейер из Штеттина объяснял состояния бытия, исходя из их названий. В этой связи вспоминается номинализм, но с этим термином надо обращаться осторожно, так как эти люди в решающем вопросе о бытии номиналистами не были...

Теперь о реформатах. Тимплер был из Штольпена в Саксонии, Кеккерман из Данцига. Реформистская философия вообще была более «современной», она рано открылась западным влияниям, сначала Раме, потом Декарта и, наконец, Просвещения...

... Эти мыслители были очень самостоятельными, каждый хотел создать «свою систему». К ним можно добавить и К. Мартини из Нидерландов. В исконных немецких землях ничего такого не было. Именно философы колонизованных земель подготовили новую философию.

Проще оценить исключения эпохи Просвещения. Почти все его представители, родившиеся в исконных землях, были приверженцами философии Вольфа...

Их места рождения сосредоточены в тех областях, где в предыдущем веке господствовала схоластика, но они есть и дальше на юге, в Швабии. В Баварии под влиянием Вольфа находились и католические философы, но католики слишком привержены церковной традиции, поэтому к просветителям их причислить нельзя. Своеобразие швабов проявилось позже, в великую эпоху швабской философии, так что пока мы их оставим в стороне. В итоге сфера влияния школы Вольфа совпадает, в основном, со сферой влияния старой схоластики.

Этот факт легко объясняется сутью и историческим местом философии Вольфа... Он часто употреблял слово Я, но в рамках старой системы. Он переводил схоластику на язык нового времени, но следы схоластики в его философских построениях были неизгладимы...

Этой двойственностью философии Вольфа объясняется и большое влияние в обеих половинах Германии...

Что касается других просветителей, родившихся в исконных землях, то Леман и Вальх из Тюрингии занимали ту же позицию, что и ученики Вольфа, Эберхард из Хальберштадта тоже был вольфианцем, а северянин Тетенс происходил из мест, бедных философами, и сам позже, забросив философию, перешёл на датскую государственную службу...

Так что можно считать доказанным тезис, что родиной философии, соответствующей духу мыслителей-экстравертов, были исконные немецкие земли, а философии интровертов – колонизованные. Этот факт требует объяснения и приводит нас к расовому вопросу. Чем объясняются такие различия психического склада, породившие столь разные формы философии?...

... Колонизованные области всегда во многом сходны с исконными землями, но их развитие своеобразно. Вспомним древние Ионию и Аттику, средневековые Исландию и Норвегию, Америку и Англию нового времени. Своеобразие развития переселенцев может объясняться двумя причинами: либо они смешиваются с местным населением иной расы, либо в странствие отправляются только люди вполне определённого типа.

Влияет одна из этих причин или обе и в какой мере – везде по-разному. Мы можем предположить, что на наших исконных землях преобладало нордическое население с фальской примесью. Это подтверждают портреты родившихся там схоластиков (приложение, таблицы 1-4). Ясно видна общая нордическая основа, но часто к ней добавляются тяжёлые фальские черты. Это хорошо совпадает со схоластическим образом мыслей XVII века. Если бы философией занималась одна нордическая раса, в этом образе мыслей не сказывалось бы наследие фальской расы, крепко связанной своими корнями с землёй. Дух здесь явно не пускается ни в какие авантюры.

Весьма отличен от этого образа мыслей жителей колонизованных земель. Здесь в центре находится Я и велика жажда приключений... Чем объяснить такой сдвиг, если расовая основа не изменилась?

Самый удобной кажется гипотеза смешения. Во многих старинных немецких областях к востоку от Эльбы бытуют представления, будто там живёт наполовину славянизированное население, во что не поверит никто, знающий действительное положение вещей. В этих более северных землях якобы происходило смешение с восточнобалтийской расой. И два на-

правления философии можно понимать как выражение духа нордическо-фальской и нордическо-восточнобалтийской расовых смесей. И в самом деле, психический склад восточнобалтийской расы отличается чертами, которые делают такое объяснение соблазнительным. Его суть выражена, в основном, в русском народе, и для его характеристики можно использовать проникновенные описания русских людей в романах Достоевского. Каждый читатель Достоевского помнит незабываемые образы размышляющих русских, размышления которых столь глубоко отличаются от размышлений западных европейцев. Они почти не связаны с реальностью, это свободная игра собственными представлениями, произвольно соединяемыми под влиянием момента. Наиболее резко выступает эта черта у Дмитрия Карамазова, когда его допрашивает следователь по обвинению в отцеубийстве. Он не старается объяснить подлинный ход событий, доказывающий его невиновность, а выдумывает разные варианты, как могли бы развиваться события, в том числе и такой, при котором он выступает в роли убийцы. Любой западный судья счёл бы это за признание вины, но сам Дмитрий слишком русский, чтобы не рассматривать столь очевидное толкование как идиотское. Сам Достоевский говорил в своей знаменитой пушкинской речи: «Не вне тебя истина, а в тебе самом, ищи её в себе, преодолей себя, и ты познаешь истину. Не во внешних вещах истина». И страстная жажда истины и идеальной жизни, которые он выделяет в своих политических статьях как основные черты русского народа, хорошо укладываются в эту картину, так как только интроверт верит, что он должен искать истину, тогда как экстраверт имеет её в окружающем мире.

Славянский образ мыслей, описанный Достоевским в его романах, далеко выходит за пределы возможностей немцев. Тем не менее, некоторая примесь славянской крови могла вызвать такой сдвиг в сторону субъективизма... Но для объяснения философии колонизованных земель этот тезис не годится, этот

путь ложен, притом по двум причинам. Во-первых, на портретах мыслителей из этих областей не видно восточнобалтийских черт (таблицы 4-7). Оттуда же родом Лейбниц, Кант, Фихте и Шопенгауэр (таблицы 15-18), но у них мы не находим никакой восточнобалтийской примеси. Во-вторых, удивительна духовная связь между философией колонизованных земель и английской литературой. Именно с них началось её влияние на Западную Европу в XVIII веке... Это родство душ могло иметь расовые корни, поэтому гипотеза о восточнобалтийской примеси неприемлема – у англосаксов её нет. Это родство могло быть и результатом разделения смеси при миграции, если исходить из того, что каждый раз на переселение решается определённый человеческий тип – ведь и английский народ возник в результате переселения.

Положим эту идею в основу нашего объяснения... Естественно предположить, что интроверт легче меняет место жительства, тогда как экстраверт больше привязан к привычной среде.

Какие люди решаются на переселение? Существует большая литература о переселенцах, включая психологические исследования. Но на поставленный нами вопрос они не дают ответа. Обычно речь в них идёт о первопоселенцах, которым приходится в тяжёлой борьбе осваивать новую среду – им не до философии. Если бы был верен глупый предрассудок нашего времени, будто сила воли и ум вообще не совместимы, и одно может развиваться лишь за счёт другого, поселенцы вообще были бы не способны к духовной деятельности. Но примеры древних греков и германцев, Ионии и Исландии, доказывают обратное: по духовным достижениям колонии превосходят свою родину. То же самое доказывают и наши философские движения. Ещё во времена схоластики самостоятельные умы рождались на колонизованных землях, а на исконных – только их ученики, вольфианцы. Наконец, на востоке родились и великие философы, а Центральная и Северо-Западная Германия может противопоставить им разве что Гербарта.

... И в области философии на востоке проявлялась более сильная воля. Сначала она употреблялась на борьбу с природой, позже – на борьбу в духовной сфере.

Не только эта сила воли, но и то особое направление, которое философское мышление приняло на колонизованных землях, можно объяснить разделением расовой смеси в результате миграции. Хотя это мышление лишь столетия спустя поднялось на высоту философии, основой его были наследственные задатки, которые принесли с собой поселенцы: смешения со славянами, как мы видели, не было.

Миграция всегда приходит под давлением политического, экономического или религиозного характера. Главной причиной обычно бывает перенаселённость и нехватка продуктов питания. Такой же была и причина колонизации Востока в средние века... В этих условиях одни люди предпочитали переселиться, другие – остаться. На принятие того или иного решения влияли определённые качества. В целом различаются два основных типа, и их различиями можно объяснить разные способы мышления.

Если мы возьмём за основу эти два психических склада, то они коренятся в двух основных направлениях человеческого бытия. Человек живёт в постоянном конфликте и взаимодействии со средой. У одних в этом взаимодействии преобладает направление снаружи внутрь, у других – изнутри наружу... Один тип это «упрямый человек», другой – «человек действия», если пользоваться известными терминами Клауса. Один держится за привычную среду, другой своими усилиями создаёт для себя новую. Первый тип Клаус отождествляет с фальской расой, второй – с нордической. Среди переселенцев на восток фальской примеси было гораздо меньше.

Можно получить тот же результат иным путём. Человек – член общества, и решение, остаться или уйти, зависит от его отношения к обществу. Известен лозунг «Кровь и почва». Кровь это внутренняя связь общества, почва – внешняя. Когда встаёт

вопрос о переселении, приходится делать выбор: кровь или почва? Сегодня многим этническим немцам приходится решать: послушаться голоса крови или остаться в той стране, где они живут. И в этом случае люди разных типов примут разные решения...

Юнг мог бы снова найти два своих типа в реалистах и идеалистах, описанных Шиллером в его трактате о наивной и сентиментальной поэзии. Типы Шиллера целиком соответствуют нашим схоластикам и просветителям... Решиться на переселение могли бы только идеалисты в смысле Шиллера, а реалисты остались бы на месте...

... Философы Просвещения были, несомненно, людьми с более сильной волей, чем схоластики. Поэтому их мышление было целеустремлённым, они стремились создавать новое. Эти мыслители хотели и в духовной сфере поднимать целину, а мысль была их плугом. Они ставили высокие цели, которых человек может достичь только своим трудом. Несомненно, это были «люди действия».

Это подтверждают и портреты (таблицы 1-10). Если по данным расологов население северо-востока Германии имеет меньшую фальскую примесь, чем исконные области, то мы можем сделать тот же вывод, судя по портретам философов из обеих областей. В целом и схоластика, и философия Просвещения выросли на одной жизненной основе, но рядом с тяжёлыми, фальскими чертами лиц многих схоластиков из исконных земель черты лиц просветителей из колонизованных земель выглядят более тонкими, строгими и подвижными – это чисто нордические черты. Зато у многих вольфианцев, в частности, у просветителей из исконных земель, опять сильнее выражены фальские.

3. Романтизм

И с термином «романтизм» следует связывать как можно меньше привычных представлений: он используется здесь

только как название философского движения, достигшего вершины в первые десятилетия XIX века. О смысле, который придают этому слову разные учёные, написал поучительную книгу Юлиус Петерсен («Определение сути немецкого романтизма», 1926). Он называет пять концепций, связанных с местностью, идейным направлением, стилем, общественными условиями и возрастом. Мы добавим к ним ещё и расовую. Но из множества представлений, которые вызывает у нас это слово, здесь важны лишь те, которые выявляют суть этого третьего философского направления. При этом вопрос о его связи с романтической поэзией остаётся открытым; связь эта, несомненно, есть, но языком поэзии и языком философии выражают свою внутреннюю суть разные человеческие типы.

Правда, и в этом случае нелегко говорить об общности философских убеждений. Собственное Я теперь ещё больше выдвигается на передний план. Самостоятельность и своеобразие личности стали лозунгом времени, каждый старался развивать свои идеи и быть непохожим на других. «Изложение моей системы», – так называлось одно из произведений той эпохи. Другие авторы не выражались столь безапелляционно, но думали так же. Поэтому никто из них не основал собственной школы в смысле старого времени. Лишь одному из них удалось стать вождём философского направления, и, что характерно, именно тому, который с самого начала больше всех стремился подчинить своё Я законам реальности. Но школа Гегеля выходит за намеченные нами временные рамки. В своё время Гегель считался таким же своевольным мыслителем, как и другие.

Но и в этом случае мы будем исходить не от отдельных выдающихся умов, а от движения в целом, многочисленность представителей которого позволяет уравновесить случайности. Но замкнутую группу обнаружить невозможно, так что картина этого направления будет гораздо более пёстрой, чем в предыдущих случаях. Если мы возьмём справочники, мы можем найти в них, например, раздел, посвящённый привер-

женцам Шеллинга. Авторы этих справочников думают, будто речь идёт о людях сходных взглядов. Но ум Шеллинга был настолько изменчив, что он мог найти самых разных приверженцев, так что в каждом конкретном случае следует уточнять, идёт ли речь о сторонике Шеллинга как натурфилософа, трансцендентального философа, философа самобытности или религиозного философа. И всё же мыслители-романтики имеют между собой нечто общее, что особенно заметно при сравнении их в двумя предыдущими группами. При взгляде с этой точки зрения схоластика и Просвещение настолько сближаются, что выглядят почти что одним целым, противоположным романтической философии. Речь здесь идёт не о структуре учений, а о производимом ими впечатлении. Мы уже приводили сравнение: архитектор видит в здании одно, а любитель искусства – другое.

Здесь будут рассматриваться вместе также мыслители, как Аст, Баадер, Карус, Эшенмейер, Краузе, Окен, Шуберт, Трокслер, Вагнер, Виндишман. Но если мы объединим их в одну группу, сразу станет ясно, что в неё можно включить и похожих мыслителей других времён. Несомненно, и в другие века жили люди, близкие по духу Шеллингу, и то, что они внутренне принадлежали к миру, который мы называем здесь романтическим, доказывается тем, что именно этот мир впервые открыл их истинную ценность, а в своё время они поняты не были. Схоластика и Просвещение, современниками которых они были, их отвергли. Среди них были значительные мыслители, оказавшие немалое влияние на развитие философии. То, что они жили в другие времена, – не помеха, так как мы изучаем направления немецкой философии, а не её эпохи. Мы можем даже нарушить намеченные нами временные рамки в сторону прошлого и добавить ещё таких мыслителей как Якоб Бёме, Себастьян Франк, фон Гогенгейм (Парацельс), Иоганн Кеплер, Николай Казанский, Этингер, Иоганн Шеффлер (Ангелус Силезский) и оба Вейгеля, Эрхард и Валентин. Их всех мож-

но считать предшественниками романтизма, которые впервые растолковал их идеи.

Разнообразие перечисленных здесь мыслителей затрудняет поиск их общих черт. Нам будет легче, если мы будем постоянно сравнивать это направление с двумя другими, выступающими при этом сравнении, как уже говорилось, как одно целое. Мы начнём с ряда чисто внешних особенностей, а потом обратимся к основным философским вопросам.

Взять хотя бы самую внешнюю сторону – структуру книг и характер изложения. Почти все произведения схоластиков и просветителей отличаются очень подробным членением, как и книги Вольфа и его учеников. Бывает, почти каждому тезису соответствует особый абзац. Наоборот, произведения романтиков это сплошной поток сознания, перехлёстывающий через подзаголовки.

Школьная философия XVII и XVIII веков стремилась говорить ясным и понятным языком, зато фразы романтиков имеют однозначный смысл. Границы между словами стираются, одно перетекает в другое. Особенно часто использовались аллегории. Вольф не раз говорил, что не надо спорить о словах, для романтиков же слова были таинственным образом связаны с их смыслом. За одинаковым звучанием виделось смысловое родство, и Бёме доискивался, что общего между словами Quale, Qual и Quell («медуза», «мучение», «источник»).

Поскольку рациональное в данном случае постоянно переходило в эмоциональное и наоборот, эта философия обращалась не к чистому мышлению, а к человеку в целом. Одним разумом труды этих философов не понять, и для людей сугубо рационального склада читать их – одно мучение. Изложенные в них мысли надо представлять себе зрительно, иначе слова останутся пустым звуком. Их надо воспринимать сердцем.

Человеком в целом занимается, прежде всего, искусство, и не случайно романтизм так сблизил искусство и философию... Фауст не только видит знак Макрокосма, но также слышит его и даже обоняет.

Общеизвестна и связь этой философии с поэзией. Многие её представители даже пытались излагать свои мысли в поэтической форме. Многие поэты, Гёте и частично Шиллер, принадлежали как мыслители к этому же кругу. Идеи этой философии оказали влияние и на музыку. Складывается впечатление, что некоторые её представители лучше выразили бы свои мысли на языке музыки. И правдоподобна гипотеза Отто Бенша, что в основе Девятой симфонии Бетховена лежат идеи Шеллинга.

Столь разные направления, разумеется, уходили своими корнями в разную почву. Схоластика и Просвещение продолжали великое движение европейской науки, хотя взгляды на естественные науки у них были противоположными. Оба эти направления соглашались с идеей Аристотеля, что философия заключает в себе всю науку. В рамках христианства её границей было Откровение, и философия, и теология оставались раздельными областями. В романтизме граница между ними стала стираться...

Он не был продолжением старой, созданной древними греками науки, его истоки следует искать в другой области. Это замысловатый мир «пансофии», который недавно (в 1936г) описал Эрих Пойкерт в своей, правда, тоже довольно замысловатой книге. Все черты романтического образа мыслей проявились уже в нём. Пойкерт включает в сферу пансофии также Парацельса и Якоба Бёме...

... Романтизм исходил из предпосылки единства реальности и Я, внешнего и внутреннего мира. Особенно характерная черта этого образа мыслей – возможность беспрепятственного перехода одного в другое. «Что внутри, то и снаружи»... Эта черта могла выражаться по-разному, в зависимости от того, на какой стороне единства больше делается акцент, отсюда большое разнообразие данного направления. Например, Глокнер в своей недавно вышедшей книге о Гегеле показал, какое глубокое влияние оказали на Гегеля идеи Шиллера. Между тем, в центре мышления Шиллера было Я, а у Гегеля – реальность,

поэтому Шиллера можно считать кантианцем, тогда как Гегель отвергал Канта. Часто это основная идея переходила в веру в единство человека с миром вообще.

И схоластика, и Просвещение чётко определяли различия, для них философия распадалась на две основные части, теоретическую и практическую, как у Аристотеля. Первая имела дело с познанием, вторая – с действием. Бытие рассматривалось вне понятия ценности, а ценности создавались только в результате человеческой деятельности. Обоим направлениям был присущ трезвый, лишённый эмоций анализ. В романтическом мышлении, наоборот, каждое представление имело сильную эмоциональную окраску, бытие и ценность рассматривались в их взаимосвязи, метафизика соединялась с этикой.

... Романтизм не признавал и отделения духа от природы. Дух для него не возвышается над природой, а является одним из её элементов, он вырастает из неё, но лишь потому, что она уже несёт его в себе самой. Материальное духовно, а духовное никогда не может целиком оторваться от материи. Бог раскрывает себя в природе, и только ради этого Откровения стоит изучать природу. О пантеизме в обычном смысле слова здесь говорить не приходится, так как не отрицается и возвышающийся над природой Бог.

Этот переход одного в другое имеет свою основу в разном соотношении между целым и его частями. Схоластика и Просвещение исходили из единичного и шли от него к целому, тогда как романтизм с самого начала рассматривал всё единичное в свете целого... Всё из одного и одно из всего.

С этим связано и разное отношение к отрицанию. Сказать «нет» может только человек как мыслящее существо, и этим он утверждает свою свободу. Для схоластики и Просвещения отрицание было только средством мышления, для мыслителей-романтиков это имманентная сила самого бытия.

Особенно примечательно отношение к логике. Схоластика и Просвещение ставили философию на прочную логическую

основу, романтизм же не знал логику, как особую область, можно даже сказать, что мыслителям этого направления логика была неприятна, а отсутствие логики в их произведениях раздражало представителей двух других направлений... Мышление рассматривалось как движение самого бытия. Гегель, которого, как и всех великих людей, нельзя просто причислить к какому-то направлению, был во многих отношениях связан с романтизмом. Он понимал логику как мышление Бога накануне сотворения мира.

... Романтики не делили процесс мышления на отдельные этапы...

Для схоластики и Просвещения главным логическим законом был закон различения. В романтизме элементы нераздельны, один переходит в другой, никогда не отрываясь от целого. Это выражается в идее единства противоположностей... Мир стал пониматься не в его обособленной конечности, а в единстве с вечным и как образ последнего.

Вольф теснейшим образом связал математику с логикой. Мыслители романтического направления были большей частью далеки от математики, хотя к их кругу принадлежали и математики, великие, как Кеплер, и менее крупные, как Эрхард Вейгель. Но они занимались таинственными взаимосвязями чисел, и для многих из них, как говорил Новалис, математика была религией, теофанией, элементом магии...

Разнообразные черты, отличавшие романтического направление от двух других, заключали в себе и нечто общее. Если мы выявим это общее, то сразу же увидим особый человеческий тип, который был носителем этого направления и выражал свою суть во всех его чертах. Попробуем найти его среди типов, которые описывает психология.

Выбор в данном случае не будет трудным. Отличие романтического образа мышления от двух других в точности соответствует различию между людьми с текучим и постоянным содержимым сознания (Пфаллер), людьми, реагирующими на

форму и на цвет (Кро) или людьми с целостным и аналитическим мышлением (Зандер). Человек с постоянным содержимым сознания больше обращает внимание на единичное и выделяет его из целого, распознавая даже при изменившихся условиях, а человек с текучим содержимым сознания воспринимает скорее целое, а единичное – лишь в зависимости от целого, одно для него быстро переходит в другое, а границы между разными впечатлениями стираются. Для первого есть лишь одна познанная им истина и никакой другой, а мышление другого может идти многими путями.

Схоластика и Просвещение были творениями людей с постоянным содержимым сознания, романтизм – творением людей с текучим содержимым сознания. Этим и объясняются все его характерные черты... Особенно примечательно, что для него бытие и небытие тоже переходят друг в друга. Для схоластиков и просветителей такой переход мог быть только мысленным.

Правда, здесь следует сделать одну уже известную нам оговорку. Романтический мыслитель будет выглядеть по-разному в кругу одних мыслителей или народа в целом. Наука требует постоянного содержания и к философии это требование относится в повышенной мере. В кругу народа в целом все мыслители – люди с постоянным содержанием, и чтобы увидеть различия между ними, нам опять потребуется увеличительное стекло.

Посмотрим теперь, из каких областей Германии происходят эти мыслители и к какой расе они принадлежат.

3-я карта, на которой обозначены их места рождения, не даёт нам сначала столь однозначной картины, как две другие. Эти места образуют полосу, проходящую с юго-запада на северо-восток; она начинается в алеманских областях, в Швейцарии, Южном Бадене и Швабии и оттуда идёт через Франконию в Саксонию и Лаузиц. Немного южнее остаётся Мюнхен, город, где родился Баадер, но это лишь кажущееся исключение, ибо он родился там лишь случайно, так как его отец был лейб-медиком

курфюрета, а все его предки и с отцовской, и с материнской стороны были родом из Штраубинга, как раз расположенного на указанной линии.

(Серьёзное исключение – нижнесаксонские места рождения Фридриха фон Гарденберга (Новалиса) и Фридриха Шлегеля, но и они уходят своими корнями в указанную полосу. Из восьми предков Новалиса лишь один был родом из Нижней Саксонии, один из Рейнланда и два из Бранденбурга, а четверо – из Верхней Саксонии и Чехии. Шлегель лишь случайно родился в Ганновере, где его отец служил суперинтендантом; и отец его, и мать были родом из Верхней Саксонии).

Это направление, поскольку к нему принадлежали Гегель и Шеллинг, не раз пытались объяснить особенностями швабского духовного склада – см. работы Гейнца Бургера «Швабы в духовной истории» (1933) и Роберта Шнейдера «Швабские духовные предки Шеллинга и Гегеля» (1938). Но, принимая во внимание немецкую философию в целом, нельзя считать это направление исключительно швабским или восточногерманским, как думает Надлер. Связи внутри обозначенной выше полосы настолько тесные, что её можно воспринимать как одно целое. Шваб Парацельс влиял на уроженца Лаузица Бёме, тот в свою очередь – на южных немцев Баадера и Окена, а Окен – на Фехнера из Нижнего Лаузица. Связал всю эту линию в своих произведениях поэт Кольбенхейер родом из Чехии, который написал романы о Парацельсе и Якобе Бёме.

Что означает эта полоса с юго-западом на северо-восток с расовой точки зрения? Ответ на этот вопрос дать нелегко, потому что она пересекает все известные государственные и культурные границы. Центром схоластики были мелкие государства Центральной Германии, Просвещения – большие государства Востока, Саксония и Бранденбург-Пруссия, а эта полоса начинается в Швейцарии, минует чересполосицу государств Юго-Западной Германии, затрагивает Баварию и уходит в Саксонию. В культурном плане Германия, как известно, делится на три

слоя: область древних римских поселений к западу и югу от Рейна, Неккара и Дуная, исконные германские области к востоку от неё до Эльбы, Заале и Наба и область немецкой колонизации к востоку от этих рек... Полоса романтизма проходит через все эти три слоя... Пересекает она и границы конфессий. Схоластика и Просвещение были сугубо протестантскими движениями. В романтизме же наряду с протестантами из Швабии и Саксонии представлены и видные католические мыслители, такие как Баадер. Иоганн Шеффлер перешёл из лютеранства в католичество.

Раз история не даёт нам объяснений, придётся обратиться к доисторическим событиям. Вспомним о миграциях германских племён, о том, что швабы (свевы) раньше жили к востоку от Эльбы и, может быть, часть их там и осталась. Но этим не объяснить появление романтических мыслителей во Франконии и Саксонии. И остаётся непонятным, почему именно швабы создали философию, столь отличную от философии других племён...

Приходится копать ещё глубже, до предпосылки всей истории, до расы. Поищем карту Германии, на которой есть такая полоса. И мы её найдём. В 70-х годах XIX века по инициативе Вирхова было проведено обследование школьников с целью определить доли очень светлого и очень тёмного типов среди населения в целом. Из всех расовых признаков был взят лишь этот один. И всё же удалось получить в результате приблизительную картину распределения светлых и тёмных рас в Германии. На карте, составленной на базе этих исследований (4-я карта из книги Гюнтера «Расология немецкого народа»), мы сразу увидим искомую полосу. В обозначенных горизонтальными штрихами областях число брюнетов приближается к числу блондинов. Если учесть процесс позднейшего потемнения, вследствие чего среди детей больше блондинов, чем среди взрослых, можно сказать, что речь идёт о полосе приблизительного баланса блондинов и брюнетов...

Итак, можно сказать, что третья группа немецких философов происходит из тех мест, где светлая и тёмная расы сталкиваются и составляют примерно равные части населения в целом (речь идёт, разумеется, только о тёмнопигментированных европейских расах). Дальше к юго-востоку, где преобладают брюнеты нет больше никакой творческой философии, а дальше к северу, где преобладают блондины, философия иная. О какой именно тёмной расе идёт речь, сказать сразу нельзя. Поскольку к юго-востоку от нашей линии живёт население динарской расы, прежде всего напрашивается мысль о ней, и эта мысль подтверждается портретами мыслителей. В отдельных случаях возможна примесь и других тёмных рас, на Западе – средиземноморской. Более пёстрая картина этой философии заставляет предположить наличие различных расовых примесей, и только они вообще делают её понятной. Поскольку эти мыслители принадлежат большей частью к нордическо-динарскому типу, то в одних случаях могли преобладать нордические, в других динарские черты с соответствующими отклонениями образа мыслей.

Судя по местам их рождения, можно сказать, что речь идёт в данном случае о мыслителях, которые не принадлежали ни к чисто нордической, ни к нордически-фальской расе, как просветители и схоластики, а отклонялись от этих направлений благодаря более тёмной, предположительно динарской расовой примеси. Их учения часто «темна вода во облацех», и они могли зародиться только под тёмными волосами, тогда как два других направления, как творения светлой расы, светлые и прозрачные.

Эта гипотеза наилучшим образом совпадает с результатами работы Пфаллера. Он исследовал своих людей с постоянным и текучим содержимым сознания на предмет их расовой принадлежности и установил соответствующую иерархию рас, входящих в состав немецкого народа. Наиболее постоянно содержимое сознания фальской и нордической рас, а у тёмных рас оно

становится всё более текучим в таком порядке: динарская, средиземноморская, альпийская раса. У людей преимущественно средиземноморской и альпийской расы текучесть сознания обычно настолько сильна, что они не способны к творческой философии, так что у всех настоящих мыслителей мы должны предполагать наличие сильной примеси светлой расы, ибо только она могла предать их мышлению строго научную объективность... Далее нам будет встречаться примесь динарской расы, реже – средиземноморской, очень редко – альпийской... И многообразие романтического направления объясняется именно этими расовыми примесями...

Эти общие соображения подтверждаются портретами романтических мыслителей (11-14 таблица). Везде заметна более или менее сильная примесь тёмной расы, и мы видим совсем иные лица, нежели лица схоластиков и просветителей. Чаще всего это динарская примесь, гораздо реже средиземноморская или альпийская. Шеффлер (1624-77), Этингер (1702-82) и Молитор, у которых почти нет примеси светлой расы, стоят где-то на грани философии в собственном смысле слова. Там же, где преобладают нордические черты, мы, наоборот, приближаемся к чисто научному мышлению. Сравним Готхильфа Генриха Шуберта и Карла Густава Каруса (1789-1869), людей, близких по взглядам, но очень различных по способам мышления. Карус – строго научный ум преимущественно нордического типа, лишь с небольшой динарской примесью, а Шуберт, у которого фальские черты смешаны с альпийскими, несмотря на всю свою учёность, – прекраснодумный мечтатель, мысли которого расплываются. Кстати, Карус был родом из пограничных областей обозначенной выше полосы. Сам он родился в Лейпциге, но его отец – на границе Нижнего Лаузица, недалеко от места рождения Фехнера, а мать была родом из Тюрингии. А родиной Шуберта были Рудные горы.

Скопления мест рождения философов в Швабии, Верхней Саксонии и Лаузице объясняется более сильной примесью нор-

дической расы в этих областях... Даже среди швабов больше людей нордической расы, чем среди их южногерманских соседей... Без светлого духа науки философия в высшем смысле слова вообще невозможна.

И ещё одно замечание. В последнее время не раз пытались определить суть немецкой философии. Примеры при этом обычно брались из романтического направления, и великие мыслители оценивались как истинно немецкие в той мере, в какой их идеи совпадали с этим направлением, а два других направления подозревались в иностранщине. В работе моего отца, Вильгельма Вундта «Нации и их философия» (1915) и моих собственных «Немецкая философия и её судьба» (1920), «Немецкое мировоззрение» (1926), под влиянием обстановки военных и послевоенных лет, наряду с этим особенно подчёркивалось значение Канта. Но в последние годы мне кажется, что в этой концепции должно ещё больше преобладать то направление, которое я называю здесь романтическим. Особенно это явствует из статьи Ротхаккера «Проблема истории немецкой философии» (1938), в которой он видит немецкую суть в связи с природой, причём природа понимается не как формальная закономерность, а как неисчерпаемая полнота опыта и как откровение таинственного сверхчувственного начала. Более общее толкование дал Херинг в работе «Что такое немецкая философия?» (1936): немецкие мыслители всегда старались избегать односторонних решений и стремились к преодолению противоречий. Это в какой-то мере верно и в отношении Канта, тогда как выводы Ротхаккера на него распространить нельзя. Определения Херинга лучше всего подходят к романтическому направлению и связанным с ним великим мыслителям. Сходны с этими взглядами концепция Глокнера («О сути немецкой философии», 1941), который усматривает эту суть в преодолении внутренних противоречий и возврате мышления к жизни, и Фауста (1942), который тоже, в основном, занимается мыслителями, которые называются здесь

«романтиками», и определяет стремление к целостности как их важнейшую черту.

Статья Ротхаккера указывает точку зрения, с которой должна оцениваться немецкая философия. Суть немецкого духа выражается в произведениях художников Дюрера, Альтдорфера и Кранаха и поэтов Штифтера, Жан-Поля и Келлера. Романтическое направление вообще ближе к искусству, чем другие. Почти все названные художники родом из Франконии, Келлер из алеманских областей, Штифтер – Чешского леса, т.е. из тех же мест, куда уходят корни этой философии.

Могут увидеть односторонность в том, что истинно немецкие черты связываются только с этим движением. Всесторонний анализ должен учесть и вклад двух других направлений в развитие немецкого духа. В них ни в коем случае нельзя видеть только подражание заграницe, тем более что многие немецкие мыслители чисто нордического типа категорически отвергали то, что Ротхаккер называет «парацельсизмом». И всё же чувство верно подсказывает нам, что именно романтическое направление было наиболее немецким и оно связано своими корнями с истинно немецким искусством.

Немецкий народ, как и большинство исторических народов, имеет два лица, одно обращённое к человечеству, а другое принадлежащее только ему, одно европейское, а другое сугубо немецкое. Одно ведёт открытый диалог с другими народами, другое нашёптывает самому себе тайны, которые оно одно может до конца понять. Схоластика и Просвещение, несмотря на свои немецкие черты, это в целом европейские движения. Романтизм, т.е. именуемая здесь так философия, принадлежит нам одним, и когда другие народы её заимствуют, они делают из неё нечто другое. Европейская духовность это не мешанина душ разных народов, а продукт главной расы творящих историю народов – нордической. Людвиг Вольтман показал это на примерах Италии и Франции, с Англией всё и так ясно, аналогичные предположения можно сделать и в от-

ношении Испании. Европейское лицо народов имеет нордические черты, и эта расовая общность позволяет им обмениваться идеями. Особое лицо каждого народа, наоборот, определяется примесями других рас. В нашем случае надо учитывать творческие достижения динарской расы, так что истинно немецкое заключается в нордическо-динарской смеси. Ни один из других народов, задающих тон в духовной сфере, не имеет столь сильной динарской примеси. А эта раса, особенно в сочетании с нордической, способна к высшим достижениям. Немецкий народ превосходит талантами все другие современные народы именно благодаря удачной смеси этих двух рас. Во всяком случае, мы имеем полное право считать рождённую этой смесью философию квинтэссенцией немецкой самобытности.

4. Великие мыслители

Ознакомление с тремя разными направлениями немецкой философии дало нам в руки мерила, которые мы можем теперь приложить к самым выдающимся мыслителям, чтобы оценить их труды и их родовые и расовые корни. Речь здесь пойдёт о шестерых самых великих – Лейбнице, Канте, Фихте, Шопенгауэре, Гегеле и Шеллинге, а также о трёх менее значительных, не занимавших исключительное положение благодаря своему влиянию – Христиане Вольфе, Гербарте и Фризе. В заключение скажем несколько слов и о Шиллере.

Что касается названных шестерых, то их легко распределить по направлениям, как по их трудам, так и по местам рождения. Восточные немцы, Лейбниц, Кант, Фихте и Шопенгауэр, представляют образ мыслей интровертов, Лейбниц со своей не имеющей окон монадой, производящей всё изнутри себя, Кант, предпочитавший рассуждать не о предметах, а о познании предметов. Фихте с его самоутверждающимся Я и Шопенгауэр, главный труд которого открывается словами: Мир есть моё представление. Швабы Гегель и Шеллинг, наоборот, принадлежат к кругу романтиков, как мы его здесь понимаем. По на-

шему определению, это люди, родственные по духу Шеллингу, а к ним, если сравнивать их с представителями двух других направлений, несмотря на все различия, в целом можно причислить и Гегеля.

Но это, с учётом их многосторонности, будут лишь очень приблизительные определения. Творения гениев отличаются тем, что они более многообразны и многозначны. Гений показывает предмет с разных сторон, и на каждую у него новый, своеобразный взгляд. В нём многое сливается, и многое от него исходит. Поскольку гений стоит выше других, он видит больше и может соединить то, что другим кажется раздельным. Такое богатство идей предполагает и более богатую и многостороннюю духовную жизнь, которую трудно свести к одному знаменателю. Их родословные мы знаем лучше других, поэтому можем глубже вникнуть в детали, избегая поспешного наклеивания ярлыков.

Их собственное место рождения имеет меньшее значение по сравнению с местами рождения родителей, места рождения родителей – по сравнению с местами родителей дедушек и бабушек и т.д. Но слишком далеко уходить в прошлое не следует, влияние одного из множества предков невелико. Так самый первый из известных нам Гегелей якобы переселился в Вюртенберг из Каринтии. Сведения эти неточные и для нас не имеющие значения, так как это предок Гегеля в седьмом поколении, лишь один из 128 предков. Так что рационально принимать во внимание только предков вплоть до прадедов и прабабок.

Начнём с Лейбница. Его предки по отцовской линии происходят, большей частью, из Верхней Саксонии, правда, предки его бабушки с этой стороны, семейство Дойерлин, были родом из Нюрнберга. Прадед философа Христофор Лейбниц женился на датчанке Барбаре фон Каленберг. Семья матери Лейбница, урождённой Шмук, была родом из Тюрингии... Надо сказать, что сегодня никто больше не считает, будто Лейбниц был сла-

вянского происхождения, хотя так думал он сам и многие после него, ссылаясь на фамилию. А эта фамилия принадлежит к числу множества родовых имён, которые первоначально были названиями мест. В данном случае речь идёт, вероятно, о деревне Лейпниц к юго-востоку от Гриммы. Как известно, многие местности в Саксонии носят славянские названия.

Как видим, Лейбниц имел предков во всех трёх областях, которые мы связывали с разными философскими направлениями. Саксония входит в ту полосу, где светлая раса переходит в тёмную, а у Лейбница были предки и из более южных мест, из Нюрнберга, как и у Канта, только у Канта оттуда был его дед по материнской линии, а у Лейбница – дед его бабушки.

Этим обусловлена многосторонность Лейбница, не только его способность вносить творческих вклад в самые разные науки, но и ещё более важная для философии способность отдавать должное самым разным точкам зрения и становиться на них, его готовность, на определённых условиях, соглашаться с любым мнением, дар, который он великолепно использовал в борьбе за духовное единство Германии, за преодоление её внутренней раздробленности. Благодаря своему духовному превосходству он не подчинялся чужим мнениям, а делал их своими, потому что ему ничто не было чуждо, и он мог усвоить любую истину. Ни один мир не был для него целиком закрыт, ему всё было понятно... Конечно, с этим было связано и внутреннее беспокойство, желание охватить слишком многое. Поэтому Лейбниц оставил лишь отдельные идеи и предложения, целостную философскую систему он создать не смог.

Он уравновешивал в себе дух исконных и колонизованных земель, попеременно давая перевес то одному, то другому. С одной стороны, он был продолжателем схоластической линии, с другой – искал конечную причину внутри сознания... Лейбниц был мыслителем-интровертом. Этим объясняются и его споры с Локком, со взглядами, согласно которым разум сам по себе пуст и получает содержание только от внеш-

них предметов. Лейбниц был сторонником учения Платона о врождённых идеях и распространил его на всю область мышления вообще.

Но Лейбница не устраивало математическое, механическое объяснение мира, ему требовалось реальное содержание, он был против растворения мира в чисто цифровых отношениях. Он исходил из субстанциальных форм, из целостных единиц, имеющих основу в себе самих... Форма была для него не внешним образом, а методом мышления, сутью бытия – не материя, а дух.

Такую возможность свободно менять однозначно определённые точки зрения из более высокой позиции определять их взаимные границы давало Лейбницу то обстоятельство, что он сам питался из более глубокого источника. В этой внутренней свободе по отношению к образам мыслей, к которым другие были привязаны, выражалась подвижность, присущая только третьему из описанных нами типов, типу с более текучим содержимым сознания. Происхождение Лейбница связывало его и с этим миром. Его способность заниматься самыми разными видами деятельности мешала ему, он мог бы во многих случаях достичь успеха, если бы сосредотачивал свои силы, а не разбрасывал их. Но, с другой стороны, эта примесь из тёмного мира открывала перед ним глубины, недоступные для мыслителей с постоянным содержимым сознания, и он освещал эти тёмные глубины силой своего светлого разума.

Соединение мира схоластических идей с миром новой науки удалось ему, потому что он выводил их понятия из предпосылок, чуждых им самим, принадлежавших скорее к области мистики и мистической натурфилософии, т.е. к третьему философскому направлению... У этого направления он заимствовал и понятие монады как микрокосма...

Но для того, чтобы действительно вывести целое из одного начала и создать целостную конструкцию, у Лейбница не хватило сил. Он лишь иногда намекал своим друзьям-философам,

как он видит целое, но не вдавался в детали. Он не мог однозначно выбрать одно из двух направлений. Он дал немецкой философии много плодотворных идей, но не создал законченного труда.

Этому соответствовали, насколько мы можем судить по портретам, и его физические черты (15-я таблица). В целом его голова производит впечатление нордической, значит, он принадлежал, прежде всего, к светлому миру чисто научного мышления. Но были у него и динарские черты (брови, кончик носа, нижняя губа, тёмные волосы и тёмный цвет лица).

[Я не принимаю во внимание мнимый череп Лейбница. Найденные останки, якобы принадлежащие Лейбницу, вызывают сомнения. Этот череп маленький, а у Лейбница была большая голова. К тому же эти останки описывались под углом ложного мнения о славянском происхождении философа].

Кант, как известно, имел глубокие корни в Восточной Пруссии, но некогда семейство Кантов перебралось в Данциг из Шотландии, правда, не дед его, как думал философ, а дед деда. Семейство его бабки со стороны матери, Фельгенгауэры, тоже было из Восточной Пруссии. Правда, отец его матери Рейтер был родом из Нюрнберга, где несколько поколений его предков подвизались в качестве ремесленников. Рейтеры по происхождению были швабами. Мать деда Канта была родом с Боденского озера. Социальное происхождение у Канта и Лейбница было разным. Кант был из ремесленников, а предками Лейбница были профессора, чиновники и купцы.

Итак, Кант был уроженцем колонизованных земель. В эту картину хорошо вписывалась шотландская примесь, так как жители Британских островов сами были переселенцами, чем можно объяснить чувство духовного родства между ними и жителями Северо-Восточной Германии. У Канта эта связь была в крови, и его самого больше всего привлекал шотландский философ Юм. Но корни, уходящие в Нюрнберг и далее в Швабию, связывали его и с третьим «романтическим» миром.

Зато дух исконных немецких земель у него отсутствовал. Логика обладала для него непререкаемым авторитетом, в математике он видел образец всякого научного познания. Его собственная мысль была гораздо сильнее в анализе, чем в синтезе, он повсюду расставлял пограничные столбы и чётко разделял чувственный и интеллигибельный мир, воззрение и понятие, природу и свободу и т.д. Всё строилось у него на таких противопоставлениях, и вопрос о лежащем в их основе единстве первоначально не поднимался.

В его мышлении сказывались черты интроверта... Противоречия мировоззрений своего времени он хотел разрешить, определив границы между ними, но границы эти он искал в познании. В докритический период он находился под влиянием школы Вольфа, но в своей критической философии он перенёс центр тяжести на человеческое Я. На примере Канта мы видим, как философ находит «свою» философию в тот момент, когда он начинает мыслить по-своему.

Черты интровертного мышления отчётливо проявляются в «Критике чистого разума» и «Критике практического разума». Вся задача философии сводится к анализу человеческого разума. Речь идёт не о предметах, а об их познании человеком... Бытие никогда не рассматривается непосредственно, а только через призму мышления о бытии... Пространство, время, причинность оказываются лишь категориями сознания. Точно так же и нравственность Кант целиком основывает на свободном внутреннем самоопределении. Примат практического разума и связанный с этим упор на волевое начало в человеке соответствуют духу родины Канта. И содержание веры интересовало его лишь в пределах, доступных для разума.

Нетрудно представить всё учение Канта как самовыражение интровертного мышления, которое направлено не на бытие, а на мысли о бытии. Самопознание для него – орудие философии, и он называет свое учение критическим, потому что его цель – самопроверка...

Но, несмотря на преобладание восточногерманских установок, слышался и голос франконской и швабской крови одного из его дедов, правда, гораздо слабее, чем у Лейбница, хотя у Канта была ¼ этой крови, а у Лейбница – 1/16, но у Канта восточногерманская кровь была более консистентной, а не уже разбавленной, как у Лейбница, поэтому у Канта импульсы из романтического мира определяли лишь побочные черты его учения, тогда как у Лейбница они доходили до основных.

Кант с ранних пор стремился понять мир, исходя из единого начала... дать новое обоснование метафизики. Не случайно он, хотя и недолго, но весьма основательно занимался Сведенборгом.

Кант открыл для себя платоновское понятие идеи и нашёл в ней высшее единство, но не в виде бытия, а в виде неких правил для разума. Но это не должно ставить под сомнение реальность, которую она в себе заключает. На оценку Канта роковым образом влияет взаимное непонимание двух разных способов мышления. Объективные мыслители думают: будто привязка всех предметов к Я превращает их в простые представления, в видимость... Но Кант в своём понятии идеи специально подчёркивал реальность её содержания... В этом понятии мышление и бытие, Я и реальность объединились в одно целое.

Так Кант нашёл «одно во всём» для своего критического мировоззрения; настал черёд вывести «всё из одного», анализ должен был уступить место синтезу. Свидетельство этой эволюции – «Критика способности суждения»... Кант учит теперь, каким методом можно понять возникновение мира из идеи.

Его работы, изданные посмертно, показывают, что Кант пошёл по этому пути ещё дальше. Как пишет лучший знаток его творчества, Герхард Леман, «концепция перехода от метафизических первопричин науки о природе превращается в систематику всех переходов и в идею трансцендентальной философии как науки о переходах». Тем самым Кант, несомненно, сближается со своими «романтическими» последователями... Уже не-

большое расстояние отделяет посмертные произведения Канта от романтической натурфилософии.

Здесь выражается уже другой образ мышления, причина чего – примесь тёмной расы с её текучим содержимым сознания, и на портретах Канта наряду с ярко выраженными нордическими чертами мы видим и динарские (выступающая нижняя губа, немного свисающий нос – см. таблицу 16). Но эта примесь гораздо меньше, чем у Лейбница, и она не могла повлиять на мировоззрение в целом, однако придавала ему законченность, недостижимую при исключительной субъективности. Если эта черта сильнее проявлялась у Канта в старости, то речь могла идти о довольно распространённом возрастном явлении. Как пишет Рихард Гаман в своей книге об импрессионизме в жизни и в искусстве (1907), чёткие формы к старости расплываются.

[Череп Канта не мешает причислить его к нордической расе, так как его брахикрания обусловлена лишь его большой шириной – 161 мм – при отнюдь не малой длине – 182 мм].

Родословная Шопенгауэра во многом сходна с родословной Канта, только он происходил не из ремесленников, а из купцов. Он тоже сын Востока, но его род из Данцига, а не из Восточной Пруссии, как род Канта. И у него есть корни, уходящие на Запад, но не в Шотландию, как у Канта, а в Голландию, откуда была родом его бабка с отцовской стороны Сурманс, а семья его бабки с материнской стороны – из Верхнего Лаузица. Шопенгауэр говорил, что человек наследует ум от матери; в его случае можно расширить круг на бабок, не на них лично, а на их роды и на психический склад уроженцев их родных мест. Одна из них была из Голландии, подвергавшейся сильным французским влияниям, другая из мест, где родился Якоб Бёме, так что о внуке можно сказать, что он был противоестественной смесью Якоба Бёме с Вольтером. Но преобладал всё же дух северных колонизованных земель, который соединял Шопенгауэра с Кантом.

Правда, ему не удалось столь гармонично, как Канту, соединить в себе наследственные задатки разных родов. Унаследовал он и болезненные черты. Его бабка с отцовской стороны Анна Сурманс умерла в состоянии слабоумия, один её сын был дебилом с детства, другого сделал полубезумным разврат. Отец Шопенгауэра отличался крайней вспыльчивостью и в момент умопомрачения покончил с собой. Таким же вспыльчивым был и дед с материнской стороны Трозинер. Философ унаследовал эту раздражительность своих предков и ему редко удавалось достичь присущего мудрецу спокойствия. Кроме того, брак его родителей был неравным. Э. Кречмер считает, что ярко выраженные натуры при выборе супружеской пары предпочитают противоположный тип. С родителями Шопенгауэра случай был именно таким. Муж был почти на 20 лет старше жены. Если пользоваться терминами Кречмера, он принадлежал к шизотимному, почти шизоидному типу, а весёлая, подвижная и поверхностная жена – к циклотимному. На сыне подтвердилось его учение о наследственности: от отца он унаследовал тяжёлый, интровертный и мечтательный характер, от матери – открытый взгляд на пёструю игру жизни. Сочетание этих качеств стимулировало философское мышление, но привести их в равновесие Шопенгауэру не удалось.

Смешение рас в случае с Шопенгауэром не было столь удачным, как у Канта (17-я таблица). У Канта нордические черты преобладали, а динарская примесь была незначительной. На портрете молодого Шопенгауэра гораздо сильней выступают черты тёмной расы, скорее всего, средиземноморской, а нордические черты не достигают своего полного развития, а на портретах старого Шопенгауэра преобладают фальские черты. Благодаря средиземноморской примеси он довольно далеко удаляется в сторону типа с текучим содержимым сознания, так что достичь устойчивости, без которой невозможна философия, ему удавалось лишь ценой больших усилий. В его учении,

в отличие от Лейбница и Канта, есть какая-то судорожность. У Ницше эта черта выражена ещё сильней.

Может быть, с этим связано и то обстоятельство, что он не создал вполне своей философии, а примкнул к родственному ему Канту. Его претензии, что он больше сохранил верность учению Канта, чем движение, начатое Фихте, можно считать обоснованными. Фихте и его последователи больше придерживались методов Канта, а Шопенгауэр оставлял их вне поля зрения вместе с трансцендентальной идеей. У Канта он заимствовал сосредоточенный на человеческом Я образ мыслей их общей родины: мир как представление, поиск вещи в себе внутри человека и её отождествление с волей. У крайне шизотимного Шопенгауэра всё это принимало форму боязливого отчуждения от мира. Поэтому мир как представление превращается у него в нечто воображаемое, а воля зовёт не к действию, а к отречению от мира и к совершенно чуждому германцам индийскому стремлению обратиться в ничто. Но Шопенгауэру близка и динарская часть кантианства. Понятие идеи занимает важное место в его философии, но если у Канта это конечная реальность, то у Шопенгауэра только красивые образы, в которых искусство даёт нам минутное утешение посреди страданий. Зато ему доступны мистические глубины, недоступные Канту, идея единства, в которой растворяется всё индивидуальное.

Шопенгауэр написал свою основную работу под влиянием Канта и юношеской шизотимии. Продолжать её он не стал, но всегда держался за неё с фальским упорством. Её дополняют более поздние специальные исследования по натурфилософии и по этике. Может быть, поскольку у него была сравнительно небольшая доля нордической крови, он не испытывал стимулов к продолжению того, что так хорошо начал. У него было чувство, что он завершил своё дело и не может добавить ничего принципиально нового. Правда, парализовало его и отсутствие какого бы то ни было отклика.

Вместо этого Шопенгауэр всё больше обращался к совсем иному виду философствования, свидетельства чего – «Мир как воля и представление», 2-й том, и «Парерга и паралипомена». Обычно не замечают, что здесь перед нами совсем иной Шопенгауэр, хотя он сам говорит в предисловии к «Афоризмам житейской мудрости», что призыв к счастливой жизни противоречит предпосылкам его философии, отрицающей возможность такой жизни. Эти афоризмы – единственная его поздняя работа. Основные понятия его юношеской работы отступают на задний план, а на передний выходит довольно ехидный взгляд на жизнь, образцы которого можно найти у западноевропейских философов-моралистов. Мир не закрывается пеленой мечтаний или мистики, а трезво видится таким, каков он есть. Эти изменения можно объяснить возмужанием юноши, переходом от идеализма к реализму, от шизотимного к циклотимному типу. Вспомним, что на портретах старого Шопенгауэра заметней проступают черты фальской расы.

У всех трёх мыслителей, которых мы рассмотрели, корни широко разбросаны по немецкой земле и даже уходят за её пределы: у Лейбница в Данию, у Канта в Шотландию, у Шопенгауэра в Голландию. Благодаря этому они занимают наднациональную позицию и в равной мере известны во всех странах Европы. Они находятся на европейской стороне немецкой сути. У троих следующих родные места их родов расположены близко друг от друга, в одних и тех же исконных областях. Поэтому их можно считать сугубо немецкими и понятными только немцам. Их работы трудно переводить на иностранный язык, в отличие от произведений трёх предыдущих.

О предках Иоганна Готлиба Фихте мы знаем мало. Его деды и бабки происходили из четырёх мест Верхнего Лаузица, расположенных очень близко друг от друга. Недалеко от них расположены и места рождения Лессинга и Якоба Бёме. Здесь критический дух поселенцев пересекался с духом мистического романтизма, что особенно благоприятно для развития фило-

софии. Эти два духа сочетались и в Фихте, но у него и у другого сына Саксонии, Лейбница, в основе лежали разные расовые смеси. У Лейбница преобладали нордические черты, хотя и с заметной динарской примесью, а Фихте был небольшого роста, плотного телосложения, с тёмными волосами и крупными чертами лица. Он принадлежал к динарской расе, хотя имел и ряд нордических признаков, например, «скорее серые, чем карие глаза» (18-я таблица). Он был ближе, чем Лейбниц, к тёмной южной расе, но и в нём был жив светлый дух Востока.

Исходя из этих предпосылок, легче понять его мышление со всеми его изменениями. Он стал философом под влиянием Канта, с которым его роднил дух колонизованных земель. Особенно дорога была ему идея свободы, он ещё больше, чем Кант, ставил её в центр философии. Он пошёл дальше Канта, выводя все формы бытия из свободного развития Я. Но само это Я – не бытие, а живое действие. Если Шопенгауэр это интровертное мышление уводило от мира, то с Фихте жил мощный дух его предков-поселенцев, которым мир не давал ничего, кроме того, что было создано их собственным трудом. Шопенгауэр дал субъективному учению Канта в сторону боязливого отстранения от мира, а Фихте – в сторону мужественной борьбы с миром, что наложило свой отпечаток на всю его жизнь и на его борьбу с судьбой.

Но то, что у Канта начало пробиваться лишь в «Критике способности суждения», для Фихте с самого начала было решающим, и здесь сыграла свою роль динарская примесь. Речь идёт о т.н. диалектическом методе, который применял Фихте, придавая кантианскому учению чуждую ему самому форму. Кант мыслил противоречиями. Исходят ли противоположности из одного целого, переходят ли они одно в другое, его не интересовало, он думал только об их разграничении. А Фихте занимался переходами, у него всегда одно вытекало из другого. Его мышление было более текучим, чем у Канта, но он регулировал эту текучесть. У него властно заявило о себе главная романти-

ческая идея единства противоположностей, которой Кант лишь осторожно касался.

Согласно этому принципу, Я и реальность тоже происходят от одного начала... Фихте, потомок поселенцев, и сам был первопроходцем. Во всей его системе одна идея по необходимости рождает другую. Это часто придаёт его учению черты, удивительно напоминающие Христиана Вольфа, сколь ни различны они сами по себе. Не случайно они родились в соседних областях.

Все эти черты взяты из первого и единственного издания «Учения о науке», как сам Фихте называл свою философию. Он прожил потом ещё 20 лет, постоянно писал новые варианты и рассказывал о них в лекции, но так и не смог придать своему учению такую форму, которая удовлетворяла бы его самого, не смог выразить в нём свою сущность. И всё же эти более поздние варианты важны как свидетельства расового своеобразия их создателя. При всех различиях в деталях они отклоняются от первого варианта в одну сторону, от чрезмерной субъективности к объективности. Разумеется, Фихте указывали на этот главный дефект его учения и другие, в частности Шеллинг и Якоб. Им, пришедшим из совсем другого духовного мира, «учение о науке» вообще казалось лишенной содержания, чисто идейной конструкцией. Но если Фихте согласился с ними, значит, их возражения затронули его собственную внутреннюю суть. Конечно, он не мог вылезти из собственной шкуры, и образ мыслей схоластиков и частично Лейбница был не для него. В его борьбе с самим собой было что-то трагическое. Здесь могли играть свою роль и обычные возрастные изменения.

Нечто подобное мы можем наблюдать и на примере более поздних публикаций Фихте по государственным и религиозным вопросам. В них он тоже обращается к реальной жизни и её историческому содержанию, но и это ему не вполне удалось, он не смог признать за действительностью её собственные права... Фихте искал, как романтические философы, конечное,

включающее в себя все противоположности единства, но мог подобраться к нему только со стороны Я. В нём смешивались светлый деятельный дух нордической расы и тёмный, более созерцательный дух динарской расы, и сначала преобладал один, а потом другой, этим и объясняется его эволюция. Текучесть мышления, свойственная ему с самого начала, всё больше усиливалась и он начал понимать, что противоположности уходят своими корнями в высшее единство.

С этой новой точки зрения он переоценил все свои прежние формы понятий... Истинная суть заключалась теперь в свободном действии, или, как предпочитал говорить сам Фихте, в жизни. Формы, возникшие из нашего мышления, загоняют её в устойчивые, но мёртвые формы бытия. Дух, прорывая их, открывает для себя божественную жизнь...

... Два последних великих философа, Гегель и Шеллинг, происходят из Швабии, и места рождения их ближайших предков сосредоточены в старом Вюртемберге. То, что они в целом принадлежат к направлению, именуемому здесь романтическим, ясно, а то, что Вюртемберг благодаря им так возвысился над соседними землями, Баварией и Баденом, связано с тем, что у швабов больше, чем у остальных южных немцев, крови светлых рас, без которой вообще невозможна никакая философия.

Что касается родословной Гегеля, то большинство его предков родилось в самом Штутгарте или вблизи от него, как и он сам. Его прабабка была из Шварцвальда, который тогда входил в состав Вюртемберга. Сомнительная версия о переселении его предков в седьмом поколении из Каринтии, как уже говорилось, с расовой точки зрения не имеет особого значения. В Каринтии фамилия «Гегель» вообще не встречается. Поколением позже один из его предков прибыл из Гессена, и по этой линии Гегель может быть связан с Гёте. Но на одного-двух предков из других мест приходятся 62 шваба, так что можно считать Гегелей древним швабским родом. Интересно, что теологов

среди предков Гегеля было мало, зато широко представлены «писцы», чиновники, порой занимавшие высокие посты, как отец и дед Гегеля. Среди предков Гегеля были также адвокаты и купцы. Профессии предков способствовали тому, что Гегель делал упор на реальность. С другой стороны, швабы всех сословий отличаются мечтательностью, – вероятно, это результат особенно плодотворной здесь смеси нордической и динарской крови.

Черты этой смеси проявлялись и у самого Гегеля (19-я таблица, a-c), и мы можем сказать, что он особенно гармонично сочетал в себе особенности нордического и динарского мышления. Из великих немецких философов только ему и Канту удалось выразить свою суть в целостной, постепенно создававшейся системе. Остальные либо вообще её не создали, либо оставили лишь предварительные наброски. Только Кант и Гегель достигли безупречного совершенства как выразители двух самых сильных философских потенций немецкого народа, чисто нордической и нордическо-динарской.

Что прежде всего бросается в глаза в образе мыслей Гегеля по сравнению с учением Канта, это его текучесть. Каждый тезис представляет собой переход от предыдущего к следующему с учётом целого. Переход этот часто почти незаметен, так что Николай Гартман говорит о «континууме категорий» у Гегеля... «Истина в целом», а в индивидуальном самом по себе истины нет. Эта особенность мышления проявляется уже в первом большом труде Гегеля «Феноменология духа». Лишь из милосердия к читателю, чтобы он не утонул совсем в этом потоке мыслей, в тексте расставлены заголовки, но сам поток они не прерывают. Такими же незаметными переходами отличались и лекции Гегеля. Его ученик Гото описывает их так: «Всегда казалось, что самое главное должно последовать далее, однако оно уже незаметно высказывалось с максимальной возможной полнотой. Получив чёткое толкование какого-то тезиса, мы страстно хотели пойти дальше, но напрасно. Идея, вместо

того, чтобы двинуться вперёд, продолжала вращаться вокруг одной и той же точки, излагаемая другими словами. Но стоило ослабить внимание и отвлечься, а через несколько минут вдруг вернуться к тексту лекции, мы с испугом обнаруживали, что потеряли нить мысли, которая связывала всё вместе, ибо казавшиеся незначительными промежуточные звенья ограждали мысль в целом от односторонности, побуждали находить различия, а после того, как мысль запутывалась в противоречиях, победоносно решать вопрос в новом единстве».

Как и романтическое направление вообще, Гегель видел единство там, где нордический дух Канта проводил разделительные линии. Если Гегель несмотря на это во многом примыкал к Канту, то лишь потому, что и у Канта была некоторая динарская примесь, побуждавшая его, по крайней мере, стремиться к единству. Важнее всего в данном случае принципиальное единство субъекта и объекта, идеи и предмета, понятия и бытия, что было особенно трудно понять неподготовленному читателю. Наиболее известен в этом плане тезис «всё существующее разумно» и наоборот... а также частые переходы в «Феноменологии» от индивидуального к историческому сознанию.

Бытие и ценность тоже сливаются. Нет этики как особой области и нет лишённого какой-либо ценности бытия. Чувство долга, оторванное от бытия, Гегель отвергал. По этому вопросу он сильнее всего расходился с ранним Фихте, а во многих отношениях и с Кантом. Он никогда не разделял непреодолимой чертой природу и дух, мир и Бога. По его мнению, логика это описание «Бога в его вечной сути до сотворения природы и конечного духа».

Всё это отражает текучесть мышления тёмной расы. Но у Гегеля, в отличие от многих других представителей этого направления, это не связано с отвержением светлого духа логики. Наоборот, «Логика» – его самое важное сочинение, и особенно замечательна его способность проникать светлой силой

мысли в этот чудесный, возникший из тьмы противоречивый мир и придавать ему доступную мышлению, понятную форму. В этом оказывался баланс нордического и динарского духа. Правда, для этого требовалась другая логика, диалектический метод, предложенный ещё Фихте, человеком со сходными расовыми корнями. Диалектика определяла всё мышление Гегеля. Руководящей идеей при этом была древняя мистическая вера в единство противоположностей, но Гегель вывел это смутное предчувствие на свет ясного мышления. Для него негативное было также позитивным, а противоположности не взаимно аннулировались, а только приходили к отрицанию своего особого содержания. Эта утверждающая сила отрицания отличала новую, диалектическую логику от старой, формальной... Мышление начинается с отрицания... Может быть, величайшая заслуга Гегеля в том, что он переработал эту логику текучего сознания в ясные, доступные для изучения формы. В любом случае, это самый ценный дар, которым он был обязан соединению в нём нордической и динарской рас.

В диалектической форме своего мышления Гегель ближе всего соприкасался с Фихте, который был истинным создателем этого метода в рамках новой немецкой философии. И всё же именно в этом оба они заметно отличались друг от друга. Фихте, как уроженец колонизованных земель, делал упор на связях, для него диалектический процесс означал выведение одного понятия из другого, при том в одной лишь сфере мышления, иногда с последующими выходами на реальность. Гегель, наоборот, уроженец исконных немецких земель, где мышление, как мы знаем, объективно. Правда, этот дух в эпоху схоластики в Южной Германии ещё почти не проявился, но швабских вольфианцев Канца и Плуке уже можно кое в чём считать предшественниками Гегеля. Мысль Гегеля объективна и исходит из реальности, а не из мышления о ней. Раньше принято было думать, будто Гегель насильственно втиснул всю действительность в заранее подготовленную понятийную

схему. Но Херинг неопровержимо доказал в своём двухтомном труде о Гегеле (1929, 1938), что он всегда начинал с анализа самой реальности, а от неё уже шёл к формам мышления. И Николай Гартман подчёркивал в своей работе о Гегеле (1929), что Гегель описывал, а не делал выводы, как Фихте. Диалектика черпалась из самой реальности, а не привносилась в неё. Этим Гегель часто напоминает схоластиков.

Если Гегель в своей полемике с Кантом и Фихте не проявил верного понимания духа колонизованных земель, то из этого мира прозвучал ответ, который в свою очередь показал его неспособность понять дух Гегеля. Речь идёт о «Логических исследованиях» Адольфа Тренделенбурга. Его семья происходила из одноимённого городка в Гессене, так что модернизатор философии Аристотель происходил из земли, где некогда особенно процветала аристотелева схоластика. Но сам он был уроженцем колонизованных земель. Его предки столетиями жили в Висмаре. Он обновил формальную логику, к которой всегда был особенно склонен нордических дух. Этот высокоодарённый мыслитель нордической расы (19-я таблица, d) увидел в методе Гегеля лишь атаку на законы логики. Это характерно с точки зрения конфликта разных рас в немецкой философии.

Родословная Шеллинга уходит своими корнями в те же области, что и родословная Гегеля. Сам он родился в Леонберге близ Штутгарта, и большинство его предков – из старого Вюртемберга, но и корни Шеллинга выходят за пределы Швабии. Дед одной из его прабабок Давид Шейнеман, профессор правоведения в Тюбингене, был родом из Померании, но что он значил по сравнению с 31 швабом? Правда, мышление Шеллинга было больше сосредоточено на человеческом Я, чем у Гегеля. Если последнего можно связать со схоластикой и школой Вольфа, то Шеллинга – с великими философами из колонизованных земель, прежде всего, с Фихте, затем с Лейбницем и, наконец, с Кантом. В его учении есть и общие черты с учением Шопенгауэра. Но не следует придавать чрезмерное зна-

чение одному из 32 предков, пусть даже он и был профессором в Тюбингене. В других отношениях, как мы увидим, именно Шеллинг был близок к схоластике.

Среди предков Шеллинга было гораздо больше теологов, чем среди предков Гегеля. Семь мужских предков в трёх поколениях до него были священниками, а в восьми предыдущих поколениях – четверо. В отцовской линии у него было три теолога подряд. А в начале XVI века семейство Шеллингов было известно в Штутгарте как изготовители шпор. Его мать, урождённая Класс, происходила из ещё более старого рода теологов, от её отца и до седьмого поколения. Первый из них, кого мы знаем, Мартин Клесс, стал в 1516г католическим священником, а в 1530г – протестантским. Такое наследие предков может удивить лишь тех, кто знаком только с юношескими работами Шеллинга. В более зрелом возрасте он чувствовал себя скорее теологом, чем философом, и оказал большее влияние на теологию, чем на философию. Когда его в 1816г пригласили в Иену, он потребовал себе кроме кафедры философии и кафедру теологии.

Вообще, если мы хотим понять его произведения как выражение его родовой и расовой сути, мы должны иначе, чем обычно, распределить центры тяжести. Нельзя забывать, что все опубликованные им работы, которые определяют его место в истории философии, вышли за короткий период с 1795 по 1803 год. В 1803 году Шеллингу было всего 28 лет, а дожил он до 79 лет и до конца жизни занимался философскими вопросами, хотя его публикации становились всё реже, и мы можем составить представление о его поздней философии лишь по посмертным изданиям. В них мы встречаем иные черты, нежели в его юношеских работах, и они начали проявляться уже с 1804 года. Можно предположить, что эта полувековая умственная работа зрелого человека больше выражала его суть, чем произведения, поспешно написанные в молодости, большей частью, под чужим влиянием.

Сегодня мы начинаем правильней, с разных сторон смотреть на развитие философии после Канта, не придерживаясь той последовательности, которую задал Гегель: от Канта к Гегелю через Фихте и Шеллинга, причём каждый мыслитель делал шаг вперёд. Как раз Шеллинг в эту линию не укладывается, и Гегеля нельзя считать его продолжателем, так как их основные формы мышления были весьма различны. Эта оговорка подкрепляется постановкой вопроса о расовом типе Шеллинга. Суть его как философа можно понять лишь исходя из этого, а не из мнимой линии развития, куда его насильно запихивают. При этом мы будем учитывать только его юношеские работы, а не поздние, в которых он в значительной мере преодолел Гегеля. При этом мы найдём и объяснение того, почему одни работы были написаны так быстро, а другие так и остались неоконченными.

В рамках романтического направления, где не было школ, а каждый был сам себе голова, мы можем обнаружить определённое единство лишь выделив группу мыслителей, родственных по духу Шеллингу, расширив при этом временные границы на несколько предыдущих столетий. Их общее своеобразие коренится в сходных расовых задатках: нордическое начало у них имеет уклон в тёмную, особенно динарскую сторону. У Гегеля эти расовые задатки находились в гармонии. Когда же мы обратимся к Шеллингу, мы окажемся в трудном положении (20-я таблица). У Шеллинга не было ни нордических, ни динарских черт, и их полное отсутствие определяет его облик. Преобладает как будто фальский тип, особенно на портрете Шеллинга в старости, но есть и альпийская примесь (вздёрнутый нос, широкое лицо). Это заставляет нас по новому поставить вопрос о Шеллинге и не довольствоваться обычными классификациями. Он, несомненно, стоит особняком, такой расовой смеси мы не встречаем ни у одного другого немецкого философа, отсюда своеобразие его способа мышления и духовного развития.

Если мы взглянем на его труды без предвзятости, мы сразу увидим, что они относятся к двум чётко разграниченным пе-

риодам. К первому принадлежат его ранние работы, в которых он предстаёт то одним, то другим. В них проявился его выдающийся талант, но следует помнить, что во всех европейских типах и расах есть умные и глупые люди, но они умны и глупы по-разному. И у Шеллинга кровь была смешенная, от матери он унаследовал голубые глаза, а его братья и сёстры – карие, от отца, но результат этого смешения был великолепным. Многим представителям этого направления динарская примесь придавала мечтательность и они могли влиять только на очень близкие по складу умы, а Шеллингу крепкая фальская основа позволила подчинять себе многих. Стеффенс рассказывает о вступительной лекции Шеллинга в Иене; главной чертой его было упрямство, и это фальское качество.

Этому качеству он обязан тем, что, в какой бы роли он ни выступал, он всегда оказывался руководителем движения, хотя чисто философское содержание его ранних работ не давало ему права претендовать на такое место. Он никогда не развивал вполне свободно собственные мысли, а каждый раз примыкал к модному направлению. Ему требовался мир готовых форм, которому он придавал своеобразный, соответствующий духу времени вид. Сначала его увлёк Фихте, потом новые течения в натурфилософии, потом Лейбниц, потом он преобразовывал идейный мир Спинозы и шёл по пути Джордано Бруно. Каждый раз он следовал за новой путеводной звездой. Этому не надо удивляться, так как всё это писал молодой человек двадцати с лишним лет. Но именно на этих работах основывалось всё влияние Шеллинга. Если нордические и нордическо-динарские мыслители хотели создавать только своё, расовые задатки Шеллинга делали его мало способным к этому.

Несмотря на это, он придавал чужим духовным мирам своеобразные черты. Поэтому его и причисляют к романтическому направлению. Он искал не постоянное, а текучее, и хотел показать, как одно развивается из другого. У него были налицо все признаки текучего мышления и благодаря своей одарён-

ности он сумел рано и впечатляюще их выразить. Его мышление было диалектическим... Всё исходит из одного целого и в него возвращается. Поскольку мы встречаем такой образ мыслей в сфере нордическо-динарской расовой смеси, можно без труда отнести Шеллинга к этой сфере и даже дать ему там руководящее положение, несмотря на то, что он другой расы, но, согласно исследованиям Пфалера, фальский тип настолько разрыхляется альпийской примесью, что по текучести содержимого сознания он оказывается на уровне динарской расы. В своей способности к изменениям сознание Шеллинга было ещё более текучим, чем у Гегеля, но его фальский тип с присущей ему силой воли обеспечивал ему положение вождя.

Несомненно, он внёс собственный тон в развитие философии, а поскольку он отклонялся в том же направлении, что и Гегель, от Канта и Фихте, можно считать его промежуточным звеном между ними и Гегелем... Позже он называл прорыв на просторы объективной науки своим достижением, в чём он превзошёл Фихте. Его объективизм проявился уже в его первых работах, где он понимал фихтевское Я в смысле мирового духа, потом в его обращении к естественным наукам и в трансцендентальной философии, где он перешёл от субъективного сознания к объективным историческим формам. Своеобразие обоих мыслителей выразилось в их споре о сути реальности. Фихте искал её только в Я, а Шеллинг – и во внешних формах природы. Оба они стремились к высшему единству, но Фихте находил это чистое бытие только в знании, а Шеллинг – в равноправии Я и реальности. Но он всегда был всё-таки ближе к Фихте, чем Гегель.

Молодой Шеллинг благодаря необыкновенной подвижности своего ума, дару альпийской расовой примеси, предложил свои идеи публике и сильные импульсы от них пошли во все стороны. Но его развитие ясно показывает, что его суть, внешне часто производившая впечатление прекрасной цельности, очаровывая других, в глубинных слоях имела разрыв. Понятно,

что это было следствием крайней противоположности смешанных в нём фальской и альпийской рас. Ощущал ли он несовместимость альпийской легковесности с фальской серьёзностью? Его новые сочинения свидетельствовали о совсем ином направлении мысли, но они появлялись всё реже и, наконец, совсем перестали выходить. При этом непрерывная умственная работа Шеллинга продолжалась ещё полвека. Он сообщал о ней в лекциях и докладах, но законченную форму, которая удовлетворила бы его самого и которую он мог бы предложить публике, он так и не нашёл. Длительность этой работы показывает, что она, как выражение сути Шеллинга, была важней, чем его скороспелые юношеские произведения.

Фихте тоже какое-то время скрывал от публики свою наиболее важную для него мыслительную работу, но по противоположным причинам. Его возмущало непонимание со стороны читателей, и он в гордом одиночестве создавал один вариант своего учения за другим, но никому об этом не говорил. Он замолчал, потому что его не удовлетворила публика, Шеллинг, – потому что он был недоволен самим собой.

Рассмотрим теперь «последнюю философию» Шеллинга... Мы должны рассматривать её как стремление выразить свою фальскую суть, не предаваясь альпийским играм. Она, несмотря на иное оформление, во многом удивительно напоминает схоластику, тоже частично выросшую на фальской почве...

Шеллинга снова совершает прорыв в сферу объективной науки, но на этот раз в этом выражается потребность его духа в реальном содержании... Шеллинг называет теперь философию Гегеля негативной и хочет противопоставить ей позитивную на основе реальности, а не чисто мыслительных построений. У Гегеля обе стороны гармонично сочетаются... Шеллинг же видит между ними глубокую пропасть и надеется достичь позитивного результата лишь чисто эмпирическим путём. Этот эмпиризм сближает его со схоластикой. Шеллинг отвергает диалектику... Его позиция приобретает судорожные черты вслед-

ствие чрезмерного упора на противоположность обеих сторон... У Гегеля негативное переходит в позитивное, Шеллинг подчёркивает противоположность логического и реального, отделяет суть, выраженную в понятиях, от реального бытия, а учение Гегеля основано на их единстве.

Но это не обычный эмпиризм, исходящий из опыта, данного в ощущениях. То, что опыт определяется и нашими понятиями, после Канта никто не мог больше отрицать... Эмпиризм Шеллинга – «метафизический», опыт для него заключён в глубинах самого духа. В свободе, которую он понимает как силу Зла, он видит главное доказательство того, что с помощью понятий никогда не понять реальность. Здесь он поначалу кажется продолжателем философии Фихте и Канта, но у Шеллинга история это божественное Откровение. Он называет своё позитивное учение философией мифологии и Откровения. Это выражение деятельной воли Бога, которую следует признать как конечную причину всякой реальности. Это личный, свободный в своих действиях Бог, как и для человека свобода – конечная основа личности. Здесь опять налицо сходство со схоластикой...

Шеллинг не придал этому учению законченную форму. Он не только не опубликовал его, но действительно не закончил... Шеллинг не пришёл к чёткому пониманию взаимоотношений понятия и предмета, знания и Откровения... При этом ни в коем случае нельзя говорить об убывании его духовных сил; речи, которые он в старости иногда произносил перед широким кругом, доказывают противоположное. Богатство языка и логичность мыслей остались прежними. Причину незаконченности учения Шеллинга следует искать в его расовом своеобразии. Тяжеловесные фальские задатки обычно побуждают довольствоваться тем, что есть, так что можно задать вопрос, способен ли вообще к философии чистый фалец без нордической примеси. В Шеллинге не было ничего нордического, фальское в нём было сильно разрыхлено альпийской примесью. Сама

по себе альпийская раса, несомненно, не способна к философии. Шеллинг по сути своей был странной смесью двух рас, не созданных Судьбой для философии, поэтому неудивительно, что он, единственный из шести немецких мыслителей по сути своей не был способен создавать стабильные идейные формы. Внешне эта смесь обеспечивала ему место, примерно соответствующее месту нордическо-динарской расы, и его мыслительная работа казалась поэтому сходной с мыслительной работой этой расы, но это был обман зрения. То, что может дать при гармоничном смешении нордическо-динарская раса, показывает пример Гегеля. Шеллинг из-за своей альпийской примеси был сначала беспокойным и непостоянным, а позже, когда он стал всё больше осознавать свою фальскую суть, её приземлённость перестала давать ему импульсы, необходимые для решения поставленных задач; к тому же постоянно выскакивали альпийские чертенята со своим текучим мышлением и сбивали его со строгого пути чистой мысли.

После этих шести корифеев вкратце скажем ещё о трёх философах, уступавших им по силе и самостоятельности мысли, но оказавших большое влияние. Это Христиан Вольф, Иоганн Фридрих Гербарт и Якоб Фридрих Фриз.

Главное о Христиане Вольфе уже было сказано выше. Он сначала целиком принадлежал к числу субъективных мыслителей Просвещения и колонизованных земель, но, с другой стороны, он занимался модернизацией схоластики. Его отец и оба деда были дубильщиками в Бреслау. Его расовый тип – чисто нордический (5-я таблица, d-f). Хотелось бы знать, были ли в его родословной какие-то мостики, соединявшие его с исконными землями, но мы плохо знаем его родословную. Несколько поколений его предков со стороны отца и матери жили в Бреслау, но, согласно семейному преданию, семейство Вольфов было родом из Шпессарта. Кроме того, важная роль, которую Вольф играл в развитии немецкой философии, объясняется также его тесными контактами с католическими

кругами в Бреслау, влиянием Лейбница, который обратил его внимание на непреходящие истины схоластики, и деятельностью его ученика Тюммига, который приблизил идеи Вольфа к схоластическим.

С динарским миром и его романтизмом Вольф не имел никаких связей, ни в чертах лица, ни в своём учении. Это отличает его от Лейбница, так сильно на него повлиявшего. Все идеи Лейбница, которые шли в этом направлении, остались для него закрытыми. Это отличает его, кстати, и от Христиана Томазия, у которого были слабо выраженные динарские черты и наклонность к мистике, но он быстро её преодолел.

К Вольфу непосредственно примыкает Гербарт, один из самых значительных эпигонов школы Вольфа. Можно говорить даже о семейной преемственности. Дед Гербарта, Иоганн Михаэль, ректор гимназии в Ольденбурге, был вольфианцем и выступал со своей программой в спорах, развернувшихся вокруг Вольфа. Он принадлежал, таким образом, к школе Вольфа исконных земель, из которой вырос и знаменитый Гербарт. Этот дед, кстати, был родом из центра схоластики.

Гербарт развивал идеи Канта и Фихте в направлении, соответствовавшем объективному мышлению схоластики, чем объясняется его особое место в кругу современных ему философов. Романтические идеи эпохи его не затронули, а в его нордическом типе не было динарской примеси, разве что фальская (21-я таблица, а). Фальские черты ещё заметней на не показанном здесь бюсте. Диалектику он понимал лишь как способ выявления противоречий. Его мышление было всецело обращено на реальность... Но Гербарт искал за предметами, за явлениями скрытую за ними истинную реальность, чистое бытие как таковое.

Сходными были позиции Гербарта и в особенно любимой им психологии. То, что она выходила на передний план, несомненно, результат влияния субъективных мыслителей. Но методы Гербарта соответствовали его объективному мышле-

нию. Главным для него был не самоанализ, а сведéние психических явлений к математическим формулам и включение их во взаимосвязи механистического учения о природе, с последующим метафизическим толкованием понятия души, которую он ставил на один уровень со всеми реалиями. Это роднит учение Гербарта со схоластикой, которая культивировала такую же объективную психологию, но с опорой на Аристотеля, а Гербарт – с опорой на новое, механистические воззрения.

Родословная Фриза тоже известна нам с пробелами. Сами Фризы были родом из Гессена и в XVII веке принадлежали к благородному офицерскому сословию. Первый из его известных нам предков женился на шотландке. Дед философа обеднел и стал аптекарем. Его жена была швабского происхождения. Отец философа был священником, потом сектантом и женился на дочери эмигранта из Моравии. Сам философ родился в Барби на Эльбе. В его облике преобладают нордические черты с заметной динарской примесью (21-я таблица, b).

Фриза можно причислить к субъективным мыслителям колонизованных земель. Особенно привлекал его расово родственный ему Кант. Он хотел лишь оставаться верным его учению, а не развивать его, но считал нужным подвести под него психологическую основу. Задачу теоретической философии он видел в психологическом изучении разума. Он чётко разделял теоретическую и практическую философию. Диалектику он отвергал и подходил к явлениям природы с точки зрения математики.

И всё же влияние тёмной расы побуждало его искать единство. Разделяя познание и действие, знание и веру, мир и Бога, он пытался навести мост между ними через чувство божественного в природе.

Наконец, упомянем ещё одного человека, которого я без колебаний причислил бы к великим мыслителям, если бы он не был ещё более великим поэтом – Фридриха Шиллера. В идейном плане он занимает место между Кантом и Гегелем,

как и Фихте. Место рождения связывает его с Гегелем, но в расовом отношении он ближе к Канту. Из восьми его прадедов и прабабок семь из старого Вюртемберга. Ег тип – нордическо-динарский, но динарское начало выражено в нём гораздо слабей, чем у Гегеля и Фихте, а его высокая, стройная фигура – совершенно нордическая (21-я таблица, c-d). По типу он ближе к Канту, на которого он даже немного похож (см.16-ю таблицу, а), как Лейбниц похож на Гёте.

Этому соответствует и образ мышления Шиллера. Истинно нордическая и вполне кантианская его склонность заострять противоречия... Диалектический метод, созданный Фихте и развитый Гегелем, был Шиллеру чужд.

Но не в духе Шиллера было останавливаться на противоречиях, он стремился к единству, которое существовало изначально и должно снова воцариться в будущем. Сам Шиллер был образцом такого единства, сочетая в себе мыслителя и поэта.

То, проблески чего мы видим лишь у позднего Канта, у Шиллера с самого начала было в центре мышления. Этим он напоминает Гегеля, но если для Гегеля единство было близким и достижимым в любой момент, то Шиллер считал его утраченным, а обрести его снова можно лишь в героической борьбе. Этим он напоминает Фихте. Так нордическо-динарская смесь, в зависимости от перевеса того или иного из компонентов, придаёт своеобразие каждому из этих мыслителей.

Философы, которых мы выделили особо, неодинаково распределяются по трём направлениям, которые мы различаем, и по их родным местностям. Шестеро из десяти – родом из колонизованных областей, для которых характерно субъективное мышление. Это Лейбниц, Вольф, Кант, Фихте, Фриз и Шопенгауэр. Швабы Гегель и Шеллинг, а в какой-то мере и Шиллер относятся к третьему направлению. Первое представляет один Гербарт, но он не настолько значителен, чтобы уравновесить эту диспропорцию. Кстати, все они, кроме Вольфа, связаны своими корнями со страной романтического духа, так

что эта связь – необходимая предпосылка подлинного философского величия в Германии.

А какое место занимает Центральная и Северо-Западная Германия с её фальской примесью, задававшая тон в эпоху схоластики? Неужели влияние Лейбница и Канта было настолько сильным, что противоположный им образ мыслей был совсем оттеснён? Но Гегель и Гербарт снова повернули мышление с сторону реальности, почему же в названных выше областях не появились выдающиеся философы? Ответ таков: духовные силы этих областей вылились в иную форму.

Одна из удивительных черт истории XIX века в Германии заключается в том, что сразу же после того, как философия достигла высшей точки своего развития, конкретные науки отделились от неё и стяжали себе славу вне её, вследствие чего сама философия превратилась в специальную науку... и эта наука уходила своими корнями в более нордические области, как некогда схоластика. Это показывает 5-я карта, на которой изображены места рождения ведущих учёных того времени. Большинство из них были новаторами в своей области. Если исходить из обычного взгляда на схоластику, мысль о связи её с современной наукой покажется смешной, но если мы вспомним о прочной связи схоластического образа мыслей с реальностью, родство станет более явным... Если пути философии и науки тогда в Германии разошлись, то в этом проявилась противоположность духа разных её областей, ранее выражавшаяся в объективном и субъективном направлениях философии. Не случайно первый немецкий университет, основанный на базе конкретных наук, а не философии, возник в Гёттингене, в Нижней Саксонии.

Если дух философии исконных земель больше определялся тяжеловесной фальской расой, а колонизованных земель – более чистой нордической расой, то в эту картину укладываются и типы учёных по Кречмеру (пикнический и лептосомный типы).

Схоластики могли охватывать все области. Субъективно мыслящим просветителям это давалось трудней, и только Вольфу благодаря его связи со схоластикой удалось установить господство философии надо всеми науками. Его школа особенно процветала в тех же исконных немецких землях, что и схоластика. Они трижды придавали науке новый облик: в XVII веке в рамках схоластики, в XVIII веке – через школу Вольфа, а в начале XIX века в них возникли современные науки. Эти три периода связаны единством ландшафта, расы и объективного мышления...

Каждый раз наука поднималась на более высокую ступень... Этим она была обязана импульсам, поступавшим из колонизованных земель (влиянию Вольфа и Канта).

5. Единство немецкой философии

Может создаться впечатление, будто мы разрушаем единство немецкой философии... Получается, что выбор направления зависит не от свободной воли, а предопределён задатками, что ведёт к релятивизму.

Но такой вывод противоречит всему, чему учили все направления немецкой философии во все времена. Ещё Лейбниц говорил, что каждый видит истину с особой стороны, хотя это всегда одна и та же истина. Эту идею можно распространить на все названные направления. Все они в чём-то сходятся, стимулируют друг друга, связаны как члены одного тела. Философия это борьба за конечное знание, а знание это единство субъекта и объекта. Три направления немецкой философии попеременно исходили от объекта, от субъекта и от их единства.

Можно посмотреть на это триединство и с другой стороны. Первое направление занималось сутью, второе ценностью, достигаемой волевым усилием, третье единством сути и ценности...

... Наконец, их можно связать с тремя главными предметами человеческой мысли: миром, человеком и Богом. Мышление

первого направления вертелось вокруг мира, в центре внимания второго был человек, третье возвысилось до Бога и пыталось через него понять и мир, и человека... Оно напомнило о том, что мышление всегда уходит своими корнями в жизнь и никогда не может целиком от неё оторваться. Оно стремилось к целостному мышлению, заключающему в себе жизненное содержание. Его носителем был расовый тип, который никогда не предавался чистому мышлению, как нордическая раса, а был теснее связан с жизненными основами. Недостаточно видеть мир в свете мысли, надо опуститься в тёмное царство материй, чтобы проследить таинственный процесс возникновения живых форм. Только величайшим умам нордической расы удавалось увидеть и этот мир в чисто духовном свете.

Правда, при этом следует ещё раз напомнить о неравном распределении великих философов по разным направлениям. Объективный образ мыслей среди значительных философов представлен одним Гербартом; здесь для равновесия надо добавить науку...

... Если мы будем рассматривать немецкую философию как целое с учётом областных особенностей, мы получим следующую картину. Области, в которые уходит своими корнями философия, пересекают Германию с юго-запада на северо-восток, примерно как полоса третьего направления, только первое продлевает её на северо-запад (в Тюрингию, Гессен и Брауншвейг), а второе на северо-восток (в Силезию и Восточную Пруссию). Все великие философы – из этих областей. Эта полоса пересекает Германию, оставляя свободными две области, Нижнюю Саксонию на северо-западе и Баварию с Австрией на юге. Они проявили себя в других сферах. Уроженцы Нижней Саксонии больше склонны к занятию науками, а баварцы – к искусству. В первом случае мы имеем дело с нордической и фальской расами, во втором – с динарской... Поскольку философия занимает промежуточное положение между наукой и искусством, места рождения философов как раз и приходятся на указанную

выше поперечную полосу. Не случайно философия замолкает там, где живут люди только светлой или только тёмной расы... И пусть во многих случаях карие глаза или тёмные волосы на портретах в остальном светлых схоластиков и просветителей можно поставить под сомнение, объяснить эти черты произволом художников или возрастным потемнением, в целом это указывает на примесь тёмной расы. Философия этих светлых групп ближе к чистой науке, чем философия романтиков. И всё же я отважусь утверждать, что смешение светлой и тёмной (но, конечно, тоже европейской) рас подготовило почву для философии. В Германии мы имеем триединство нордической, фальской и динарской рас.

Карта Германии похожа на щит, украшенный гербом. Это герб немецкого духа. Слева вверху и справа внизу поля науки и искусства, а кривая полоса между ними – философия.

Единство немецкой философии не было заданным, оно выработалось в процессе развития... Наша философия – хороший пример правильных и неправильных толкований подобных исторических изменений. Обычно дело изображают так, как будто один и тот же человеческий тип, немец вообще, придаёт своей жизни то одно, то другое содержание... В действительности на сцену каждый раз выступает иной человеческий тип. Разумеется, эти типы не рождаются один за другим, они всегда сосуществуют, вопрос лишь в том, когда и почему определённый тип занимает руководящие позиции и определяет лицо эпохи.

Так было и в истории новейшей немецкой философии. Каждую из трёх эпох определял особый человеческий тип. Только второе и третье направление пересекались в Саксонии и Лаузице, но их носителями были разные расовые типы. С другой стороны, все эти типы всегда существуют, как могут, выражают себя, но не всегда находят отклик. Наследниками схоластиков XVII века были ученики Вольфа и Гербарта. Субъективный образ мыслей просветителей был подготовлен

схоластиками и его черты можно найти в философии Канта, Фихте и Шопенгауэра и в психологии Фриза. Наконец, дух философского романтизма налицо уже у Парацельса, Валентина Вейгеля, Якоба Бёме и Этингера.

По каким причинам на первый план выдвигается определённое направление, оттесняя другие? И чем объясняется их последовательность? Это сугубо исторические вопросы... Эпохе требуются люди определённого типа, и общественное мнение выносит их наверх. Вспомним Валентина Вейгеля, который был скромным священником, а тайно писал отнюдь не Правоверные книги. Что он мог бы сделать, если бы нашёл отклик?..

Историю немецкой философии надо рассматривать в неразрывной связи с историей немецкого народа...

Обновление схоластики в конце XVI века было общеевропейским процессом, связанным с Реформацией. Оно шло на пользу и вере. Особое значение для развития немецкой философии имела лютеранская схоластика...

Но буря 30-летней войны опустошила Германию. Общественное мнение воспринимало эту войну как религиозную. И её ужасные, особенно для протестантских областей Германии последствия порождали вопрос, соответствовали ли прежние установки божественной воли. Схоластика продолжала существовать, но её творческое время прошло и она всё больше закосневала. Новые идеи родились не сразу, сначала надо было залечить раны, нанесённые войной. Но люди всё больше приходили к убеждению, что только изменение духовных установок позволит избежать в будущем такого ужасного несчастья.

Общественность стала прислушиваться к другим голосам, которые раньше не находили отклик... Началась т.н. эпоха Просвещения... Люди не отшатнулись от веры – об этом ещё долго не могло быть и речи. Слово получила философия второго направления.

Когда рушится внешний мир, человек обращается к самому себе и ищет точку опоры внутри себя. Распространился пие-

тизм, первоначально тесно связанный с Просвещением. В субъективном сознании на первый план выдвинулась воля, желание принять участие в переустройстве мира. Человек почувствовал себя соратником Бога...

Германия осталась на уровне идей, Франция перешла к действиям. Но прекрасные надежды утонули в крови. Высокая цель была утеряна, просветителям перестали верить.

Но человеческий дух не терпит пустоты. Вспомнился период «Бури и натиск», однако новое нельзя было создавать на основе доходящей до произвола свободы – это грозило теми же опасностями. Требовалось почерпнуть из глубин содержание, которое коренилось бы не только в одной воле и мысли, но и в самой жизни, и в бытии. Немцы ощутили потребность осознать свою собственную суть и поняли, что Лейбниц и Кант уже выразили её с силой и глубиной, далеко превосходящими идеи Французской революции...

Зов времени усилил звучание голосов великих мыслителей, живших после Канта. Все они, Фихте и Шиллер, Гегель и Шеллинг, Фриз и Шопенгауэр более или менее сознательно противопоставляли свои учения идеям Французской революции. Немецкая мысль это вообще дочь романтизма.

Оба великих поворота в истории новейшей немецкой философии тайно связаны друг с другом.

Третье движение совпадает по времени с расцветом немецкого духа вообще. Во всех областях у нас появилось тогда много творческих людей, тогда же жили и почти все великие философы. Почему подъём у нас запоздал по сравнению с Западной Европой и почему он имел такой уникальный характер?.. Дело здесь не в исторических условиях, среда может только стимулировать таланты, но не порождает их.

Главной причиной было развитие придворной и городской жизни... В этих условиях происходило взаимное обогащение наследственных задатков. Особенно большое значение имел приток населения из деревни в город.

Георг Хансен в своём труде по демографии (1889) указывал именно на это явление как на предпосылку духовной кульминации. После 30-летней войны Германия обезлюдела и была отброшена назад в своём развитии, приток населения в города прекратился и возобновился лишь позже.

Легко отвергнуть это объяснение, но трудно дать другое, лучшее.

Беды 30-летней войны вызвали первый переворот в мировоззрении новых немцев. Он совпал по времени с возобновлением притока населения в города. Спустя три поколения этот приток поднял немецкую жизнь на новую высоту. Во времена первого переворота была велика опасность подражания заграницe, своим языком решался говорить лишь великий Лейбниц... В результате второго переворота немецкая философия поднялась на недостижимую для других народов высоту. Подтверждается та истина, что народ добывает величие только кровью и слезами.

ЧЕСТЬ КАК ИСТОЧНИК НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В НАРОДЕ И ГОСУДАРСТВЕ

(Лангензальца. Изд. Герман Бейер и сыновья. 1927)

«Что такое честь? Всего лишь слово… Честь не более чем раскрашенная вывеска похоронного шествия – таков мой катехизс»… Это вероисповедание, которое излагает Фальстаф в драме Шекспира «Генрих IV», сегодня стало, несомненно, вероисповеданием многих наших современников. Честь для них – всего лишь слово, дуновение воздуха, раскрашенная вывеска на похоронах; живым смотреть на неё приятно, а мёртвому всё равно. Повседневно мы сталкиваемся с такими явлениями, которые заставляют нас с болью осознавать, в какой мере наглые слова Фальстафа уже стали лозунгом нашего времени: «Что такое честь? Всего лишь слово». Сколько примеров мы можем привести!

Словам Фальстафа мы можем противопоставить слова Гамлета, что надо «яростно сражаться даже за соломинку, если на карту поставлена честь». Нашему времени этот призыв чужд. Можем ли мы представить себе худшую насмешку над самими собой, посмотрев на себя в зеркале этих слов? За что мы должны были сражаться в Версале, в Женеве, в Лондоне, в Локарно – за соломинку? Нет, за будущее нашего народа. И как же плохо мы сражались! А то, что при этом на карте стояла честь, мало кто замечал. Мы явно думали, как Фальстаф, что честь не заменит нам ни руку, ни ногу. Если мы скажем не «руку и ногу», а «акции и дивиденды», мы получим картину нашего времени.

Вспомним слова из ещё одной драмы Шекспира, «Ричард II». В ней говорится о «незапятнанной чести» как о «самом чистом сокровище в земной жизни», как о её «единственном приобретении».

Лига Наций отняла у нас честь, но ещё хуже, что безчестие разшатывает нашу внутреннюю жизнь, и она превращается в пустую форму, лишённую души.

Мы не сумели защитить свою честь и поэтому стали бесчестными. Мы терпим от наших врагов многое, чего никогда не потерпел бы народ, заботящийся о своей чести. Это терпение тем более опасно, что в результате притупляется чувство чести вообще, и народ в итоге привыкает смиряться даже с самым позорным. Страшные признаки внутреннего разложения доказывают, какими равнодушными мы уже стали. Для чувства чести нашего народа было плохо, что изменение нашего государственного строя произошло не в блеске славы, как у других народов, а в бездне позора. Если бы в нас было живо чувство чести, мы никогда не отказались бы от почётных пунктов мирного договора. Это чувство у нас исчезло уже в такой степени, что люди думают только об экономике и готовы ради внешних выгод терпеть любые унижения. Старая немецкая поговорка гласила: «Протерять честь – всё потерять». Но сегодня честь – пустое слово.

Дух Фальстафа витает среди нас. Это безстыжий дух самых низких удовольствий. Многие рождённые для лучшего следуют за ним, как принц Генри у Шекспира. В его спутниках, Перси и Монмуте, ещё горит огонь чести, в одном скрыто, в другом открыто. Живы ли в нашем народе Монмут или Перси – вопрос нашего будущего; один из них должен спасти нашу страну.

Но, чтобы мы были к этому готовы, мы должны пробудить в себе дух чести. И наука способна помочь нам осознать, в чём суть чести. Что такое честь? Мы должны ответить на этот вопрос не так, как Фальстаф.

Что такое честь? Это внутреннее достояние, которое никто не может у меня отнять, если я сам не позволю этого сделать, однако любой подлец может меня оклеветать.

Честь заключается в достоинстве человека как нравственного существа, но не сама по себе, а в той мере, в какой её при-

знают и другие… В немецком языке есть два выражения, которые хорошо отражают эту двойственность чести. Об одном человеке мы говорим как о воплощении чести, считая таким образом честь недоступным ядром его сути, а о другом – что его обезчестили, словно честь это какой-то внешний придаток, который можно отрезать.

Эта двойственность лишь отражает своеобразие нравственности вообще, ибо нравственность существует только в обществе. В одиночестве человек может вести лишь животную жизнь. Нравственность – сугубо человеческое качество, и именно честь делает человека человеком.

Честь это не одна из добродетелей наряду с другими, а выражение ценности человека в целом. А оценить человека может только общество. Поэтому в германском праве честь и право неразрывно связаны, потеря чести влечёт за собой утрату права.

Личная честь связана не с одним определённым качеством человека, а является выражением его нравственной ценности вообще, поэтому она связана, прежде всего, с такими качествами, которые в наибольшей степени характеризуют человека в целом и его суть. Разница между мужчиной и женщиной ни в чём не выражается более явно, чем в различии между мужской и женской честью.

В чём назначение человека? Я бы сказал, оно заключается в том, чтобы творить в мiре добро. Человек делает это не в одиночку, а сообща с другими и на протяжении многих поколений, т.е. как в настоящем, так и в будущем.

Мужчина и женщина разделили между собой эту работу: мужчина заботится о настоящем. Женщина – о будущем. Это глубокое заблуждение, когда женщины берут на себя мужские задачи. Мужчина создан для того, чтобы быть бойцом. Женщина – чтобы быть матерью, поэтому честь мужчины – его смелость, а женщины – её целомудрие. Правда, это различие не абсолютно. Женщина, которая бросит своих детей, чтобы спа-

сти себя, обезчестит себя, как и развратный мужчина. Фихте однажды даже назвал целомудрие истинным источником чести и для мужчины.

Мужчина – боец, а для борьбы необходима смелость. В первую очередь речь идёт о физическом мужестве, с которым связана честь мужчины. Символом мужской чести во все времена считалось оружие.

Но как минимум столь же важно, а в мирные времена даже ещё важней нравственное мужество, т.н. гражданская смелость. Этих качеств часто не хватает, но мы не привыкли разсматривать их отсутствие как безчестие.

…Смелость – сугубо мужская добродетель, поэтому греки по праву называли её просто мужественностью… Лучшим доказательством смелости был поединок. Сегодня его оценивают с пацифистской точки зрения и не понимают, в чём его суть. Подобно тому, как суть войны пацифисты видят в убийстве, так и поединок для них это попытка убить соперника из мести. Но смысл войны не в убийстве, а в самопожертвовании; так же и в поединке на карту ставится собственная жизнь. Хотеть убить противника любыми средствами – низко, это делает поединок безчестным, пощадить его – особая честь. Правда, оскорблённый может счесть это новым оскорблением. При этом раскрывается истинный смысл поединка: оскорблённый не хочет, чтобы его щадили, он хочет доказать своё мужество, чтобы возстановить свою честь.

…Женщина по сути своей – мать, её честь – в целомудрии, а оно сохраняется только в моногамном браке. Над верностью только одному мужчине просвещённые философы-моралисты во главе с Шопенгауэром смеютмся, но в этом есть глубокий смысл. Только в моногамном браке женщина не теряет достоинства, потому что сохраняет его в материнстве… Развод в любом случае означает признание того, что брак был не настоящим, что глубоко оскорбляет честь женщины…

Мужчина и женщина, как ни различны их задачи, вместе выполняют назначение человека вообще. И есть третье качество,

заключающее в себе честь их обоих, чисто человеческую честь. Это качество – правдивость. Безчестна, прежде всего, ложь. В подтверждение своей правдивости мы даём честное слово, т.е. ручаемся своей честью. Безчестна не только грубая ложь, но любая попытка выдать себя не за того, кто ты есть на самом деле…

Честь и верность взаимосвязаны. Верность в конечном счёте – не что иное, как правдивость. Немецкая поговорка называет источником чести верность. Арндт писал в своём «Катехизисе немецкого воина», что честь солдата это его верность Отчизне…

Верность заключает в себе все прочие добродетели. Поэтому правдивость – сердцевина чести и мужчины, и женщины. Храбрость немыслима без правдивости, ложь всегда порождается трусостью. Правдивый мужчина должен смело отстаивать свои убеждения, и только смелый человек может быть всегда вполне правдивым. А правдивость женщины зависит от её целомудрия…

Правдивость – прямой переход к социальной стороне понятия чести.

***

Социальная честь – это, прежде всего, сословная честь… Суть её – в признании другими. О внутренних качествах человека со стороны судить трудно, суть человека проявляется в его действиях, особенно в его профессиональной деятельности. За его дела ему воздают честь в обществе.

Качества, на которых основывается личная честь, и нравственные требования к ним для всех одинаковы. Наоборот, социальные требования всегда различны в зависимости от профессии. Сословие, которое занимает в жизни народа более важное и более высокое место, должно отвечать и повышенным требованиям в отношении честности. Кроме того, от каждого сословия требуются качества, которые особенно ярко выражают нравственный дух того сословия.

Высшие сословия более чувствительны к понятию чести, и это хорошо. Они сами предъявляют более высокие требования к своей чести. Заблуждение демократии в том, что она не принимает во внимание эту здоровую градацию чувства чести и, когда оно обострено, видит в этом только чванство. Это может быть так, если честь правящего сословия требует только внешнего почитания со стороны других. При здоровых условиях обострённое чувство чести высших сословий это только сознание своего высокого долга. В безумии всеобщего равенства представители всех кругов населения, без всякого перехода, занимают высшие посты, но у них нет того понятия чести, которое воспитывается поколениями и передаётся по наследству. Поэтому неудивительно, что демократия и коррупция это часто почти синонимы.

Возьмём хотя бы пример с чаевыми. Как известно, в Германии до войны было два разных класса людей: те, кто брал чаевые, и те, кто их не брал. Для одних это было оскорблением не получать чаевые, на которые они надеялись, а для других было бы оскорблением, если бы им предложили чаевые… Учение о всеобщем равенстве подняло на высокие посты тех, кто привык получать чаевые, и чем выше пост, тем большую мзду они требуют.

Чувство чести особенно развито среди офицеров и студентов. От одних требуется, в первую очередь, физическое мужество, от других – нравственное. Люди разных сословий и профессий по разному понимают, что такое честь. Чиновник безчестен, если он злоупотребляет властью ради личных выгод, честь учёного – в стремлении к истине, не искажённом личными мотивами, честь художника – в том, чтобы его искусство не превратилось в ремесло ради добывания денег.

У рабочих тоже чувство чести часто бывает сильно развито, но ему придаётся ложное направление. Механизация делает труд фабричных рабочих рабским, и это оскорбляет их человеческое достоинство, их честь. И когда сегодня физиче-

ский труд ставится выше умственного, в этом у рабочих проявляется ущемлённое самолюбие, а у представителей других сословий – нечистая совесть и стремление подольститься к рабочим.

Так что и социальный вопрос можно считать вопросом чести. Борьба с несправедливым обществом, которое унижает рабочего, может показаться ему его священным долгом, а союзы, призывающие к такой борьбе,- лучшим средством достижения цели. Верность своему союзу становится главным пунктом чести рабочего. Но целью рабочих союзов быстро становится борьба не за улучшение условий труда, а за повышение зарплаты. Это тоже можно понять, но мы должны помнить слова Христа, что не хлебом единым жив человек. Борясь только за повышение зарплаты, рабочие союзы направляют чувство чести рабочих по ложному пути. Связь с денежным вопросом губительна для этого чувства.

Решение социального вопроса лежит в оздоровлении чувства чести наших рабочих. Не может быть сомнений в том, в чём истинная честь рабочих. Их предшественниками были ремесленники, и чувство чести рабочих развилось из чувства чести ремесленников. Любое настоящее чувство чести основывается на том, что человек даёт сам, а не на том, что он требует от других. Рабочий должен быть верен не союзу, который сулит ему более высокую зарплату, а предприятию, на котором он трудится. Но труд должен быть трудом для людей, а не для одушевлённых машин. Если мы не можем этого сделать, вина за постоянное оскорбление чести рабочих падает на всех нас…

…Важнейшую роль играет честь и в формировании народа. Только честь делает народ единым. С потерей чести утрачивается и народное единство, уступая место необузданному эгоизму отдельных личностей. Говоря о народной жизни как целом, мы употребляем выражение «народное тело», «тело народа», а каждое тело имеет три измерения; в этих измерениях действует и чувство чести.

Действуя в ширину, оно связывает отдельного человекм с обществом… действуя в высоту, оно связывет элементы сословной структуры народа, поскольку низшие слои воздают честь высшим, вождям народа. Есть глубокий смысл в том, что церковь сделала заповедь: «чти отца своего и мать свою» основой социальной и государственной жизни, и из неё развились правила общественной жизни вообще. В своей аристократии народ изначально видел носителей своей чести, и пока аристократия соответствовала этим представлениям, она оставалась правящим слоем…

Ориентир для жизни народа – память о деяниях его великих героев. Поэтому для нравственного духа народа крайне опасно, когда, как сегодня, на его глазах имена его лучших людей забрасываются грязью…

Но честь в этом втором измерении должна действовать не только снизу вверх, но и сверху вниз… Вверху человек видит своё назначение, свою цель, внизу – ограниченность своих возможностей. К страданиям и заботам, неудачам и разочарованиям мы должны также относиться с почтением, так как они – часть жребия человека… Так и в жизни народа: вождь должен уважать своих последователей как свободнорождённых людей и не злоупотреблять их уважением в своих личных целях. Здесь действует то же правило, как и в случае с честью рабочего, о чём мы говорили раньше.

Третье измерение народной жизни – глубина. Под этим мы имеем в виду последовательность поколений. И здесь честь играет важную роль, и здесь она обуславливает единство народа, ибо честь – это нравственное достояние, накопленное предками. Это самый ценный капитал. И народ как целое может отстоять или потерять свою честь.

Сегодня особенно важно вспомнить об этом историческом аспекте чести, так как многие, даже образованные люди утратили способность возвыситься над настоящим. Наше время, как легкомысленный сын, проматывает наследие предков. И на

нашу эпоху распространяются гневные слова Арндта о своей: «Ты забыла о чести твоих отцов и поэтому попала в рабство». Об этом же писал Отто Людвиг в своём романе «Между небом и землёй».

***

В понятии чести врнутреннее достоинство человека сочетается с внешним признанием со стороны других, именно в этой двойственности её своеобразная суть. Мы разсмотрели обе стороны отдельно, а теперь перейдём к их взаимосвязи.

Когда обе стороны совпадают, нравственная жизнь получает прочную опору… Общество буквально заставляет отдельного человека вести честную жизнь. Поэтому жизнь в деревне и небольшом городе больше стимулирует нравственный дух, поскольку каждый на виду у всех. Разумеется, у неё есть и свои отрицательные стороны, такие как сплетни и клевета, но при здоровом духе общины положительные стороны перевешивают. Наоборот, скрытность личной жизни в больших городах очень опасна. Уважаемый человек может быть на самом деле безчестным, министр – преступником. Большие города - самая благоприятная среда для мошенников.

Человек, обладающий чувством чести, пробуждает это чувство и в других. Личный пример повышает моральный уровень общества, а признание со стороны общества оказывает обратное воздействие на личность.

…Мы можем различать три ступени общественного признания. Порядочным должен быть любой человек, и он остаётся таковым, пока сохраняет своё честное я. Достойны уважения только лучшие люди общества, которые завоевали это уважение своими делами. Высший уровень это вожди народа, у которых не только почитают, но и прославляют. Но, чем шире круг почитателей, тем больше опасность, что те, кого почитают, не заслуживают почёта.

Путаница начинается тогда, когда личная и социальная честь перестают совпадать. Здесь возможны два случая: мошенниче-

ство и фарисейство. Мошенник скрывает свою безчестность, а фарисей в точности соблюдает законы общества, но внутренний дух нравственности он теряет. Нравственность для него – лишь пустая, показная форма, в внутренняя нравственная жизнь в нём, можно сказать, умерла. С этим связано всё, что мы называем общественной ложью. В особенно запоминающихся образах это показал Ибсен. Если жизнь общества внутренне опустошена, в нём все почитают друг друга за внешнюю безупречность, но место любви в их сердцах давно занял эгоизм, они готовы простить и преступление, лишь бы не было публичного скандала… В таком лживом обществе даже честь становится ложью. Фарисейство с его общественной ложью – признак умирающей эпохи. Способен ли народ выйти из такого состояния, зависит от того, достаточно ли ещё сильна в нём нравственная жизнь.

Настоящая борьба между личной и социальной стороной чести начинается тогда, когда правда на стороне личности, когда ей отказывают в заслуженной ею чести. Это характерно для обстановки общественной лжи. Судьба благородных одиночек в этих условиях зависит от того, ориентирован ли их нравственный дух больше на прошлое или на будущее. В первом случае они обличают упадок нравов и их считают юродивыми, а во втором – мечтателями, а если они переходят к действиям – преступниками.

В отношениях между личной и социальной честью необходим баланс, отклонение в одну сторону должно компенсироваться с другой.

Крайне обострённое чувство чести часто свидетельствует о недостатке внутренней уверенности. В этом случае человек бывает очень озабочен тем, чтобы его чести не был нанесён ни малейший ущерб в глазах других. И этим качеством могут обладать целые народы и эпохи. Особенно оно характерно для романских народов, у немцев оно начало развиваться в XVII веке. Немецкая мысль должна противодействовать этому, как чуждому для нас явлению.

Противоположный случай – пренебрежение к мнению окружающих, внутренняя убеждённость в своей правоте, При этом часто не принимается во внимание только мнение современников. Так киники и гёзы приняли как самоназвание презрительные клички. В христианстве есть тенденция пренебрегать внешними почестями, что противоречит германскому чувству чести…

Неуважение к чувству чести это неуважение к человеку, которое может перейти в мизантропию. В противовес этому усиливается сознание личной чести.

Есть, кстати, и чисто мещанское неуважение к чувству чести. Оно особенно развилось у нас в буржуазных кругах в эпоху Просвещения… Сегодня оно снова ожило. Наша современная педагогика хочет исключить из воспитания всякий элемент честолюбия. Конечно, бывает ложное честолюбие, тщеславие, но его легко отличить от истинного честолюбия. Тщеславие это стремление добиться признания других любой ценой, а здоровое честолюбие совершает благородные дела ради признания благородных людей.

Тайна личной жизни – нахождение среднего пути между обострённым чувством чести и презрение к почестям. Главное при этом – быть независимым от т.наз. общественного мнения, в котором перемешаны добро и зло, ум и глупость. Ему надо противопоставить сознание собственной ценности. Но и при таком сознании надо уметь различать благородное и неблагородное в мнении людей. Надо стремиться не к признанию людей вообще, а благородных людей.

Но противоречие между личной и социальной честью может привести к безнадёжной путанице. В этом трагизм жизни: наша высшая ценность оказывается в зависимости от настроения проститутки, именуемой общественным мнением. Общество может быть настолько павшим, что почёт в нём нельзя считать за честь. И защититься от клеветы своими силами человек в таком обществе не может…

Есть два выхода из этой трагической раздвоенности, один для простых людей, другой – для благородных людей. У простого человека нет опоры в себе самом, он целиком зависит от признания другими. Тот, кого объявили безчестным, действительно становится безчестным… Такой человек никогда не будет противиться упадку общества, и потонет вместе с ним. Такой человек никогда не придёт к мысли, что он призван сам определять дух общества… Это образец «современного человека», который одержим лишь одной заботой: выглядеть достаточно современным.

У благородных натур – другой выход. Они укрепляются в сознании собственной ценности. В себе они воздвигают бастион для противостояния клевете. По-настоящему талантливый человек добьётся в конце-концов признания, если общество ещё не совсем сгнило. В противном случае он удовольствуется тем, что высокий дух ещё жив, пусть хотя бы в немногих, - искры от них могут попасть и в души других. Если даже он обречён жить в обществе, почести которого нельзя принимать за честь, он никогда не должен терять веру в то, что его благородная воля создаёт вокруг него самого такое общество, которое действительно может чтить благородство.

***

«Народ ничтожен, если не рискует
Всем, что имеет он, во имя чести».

Эти слова «Орлеанской Девы» Шиллера – самое известное изречение о чести. И мы должны сказать в заключение о чести, утрата которой лежит сегодня на нашей душе самым тяжёлым грузом, - о ***национальной чести***. Правда, пацифисты уверяют нас, будто есть только личная честь, а никакой чести народа нет. В этом проявляется наглый индивидуализм нашего времени, порождённый эпохой Просвещения. В действительности, как мы видели, каждый человек имеет честь только в обществе, поэтому утрата национальной чести глубоко затрагивает и честь каждого. Нельзя отождествлять национальную честь с сослов-

ной честью, ибо народное сообщество это нечто большее, чем государственное сообщество. Народное сообщество это живое целое, обладающее самосознанием, это не просто объединение людей, а личность. Поэтому нация, как и отдельная личность, имеет свою честь.

Основное условие сохранения национальной чести это ***свобода***. Только свобода позволдяет народу следовать своему назначению, принимать решения под свою ответственность.

У рабов не бывает чести, они превращаются в простые орудия своих господ. Среди культурных народов отдельных людей больше не превращают в рабов, зато обращают в рабство целые народы. Следует отметить, что кроме физического рабства отдельных лиц есть и более утончённые формы зависимости в рамках одного народа, которые, поскольку они ущемляют свободу, опасны и для чести. Если власть государства или экономики настолько разбухает, что рядом с нею не остаётся места для независимой личности, если большинство граждан превращается в получателей зарплаты, а своей собственности у них больше нет, они теряют свободу, а с нею и чувство чести. Собственность делает людей самостоятельными…

Как уже сказано, теперь в рабство обращаются целые народы. Поэтому свобода для нас – основа национальной чести. Без свободы нет чести, без чести нет Отечества. Храбрость и честь теснейшим образом взаимосвязаны. Трус уже раб из-за своего страха. Мужество и для народа самое надёжное средство сохранить свою свободу и свою честь.

Война во имя чести кажется в наше время глупостью, потому что сегодня господствует сугубо утилитарная точка зрения. Зато Бисмарк считал вопрос чести чуть ли не единственным поводом для войны… Войны делятся на благородные и неблагородные. Первые ведутся во имя чести, и их ведут рыцари, вторые - во имя деловых интересов, и их ведут разбойники.

Нацию, как и отдельного человека, тоже можно обезчестить. Нас, немцев, обезчестили, свалив на нас всю вину за Міровую

войну. Нас исключили, таким образом, из сообщества народов, и французский премьер заявил, что принятие Германии в Лигу Наций не означает, что признание за нами вины утратило силу. Поэтому важнейшая задача нашей внешней политики – борьба против этой лжи о нашей вине. Пока она тяготеет над нами, мы не займём равноправного места среди других народов.

Но этот вопрос касается не только нашего места среди других народов, но и международного сообщества вообще. Т.н. Версальский договор сейчас считается основой отношений между государствами, но он объявляет нас виновныими в войне, а это ложь. Значит, міром правит ложь, а в царстве лжи нет места чести. Обезчестив нас, мір обезчестил сам себя. А отец лжи, как известно, Дьявол, значит, именно он царит сегодня в міре.

Возложение на нас вины за войну оказывает негативное воздействие и на нас самих. Обезчещенный человек должен укрепить в себе сознание собственной ценности. Но это удаётся лишь сильным натурам, а немецкий народ в целом не показал себя сильной натурой, а сам впал в безчестие…

…Проклятие безчестия может погубить народ. Случится ли это с нашим народом? Это зависит только от нас самих. Мы должны противопоставить этому проклятию сознание нашего собственного достоинства. Наша истинная честь не может быть утрачена… Если мы осознаём глубинную основу чести и вновь обретём в этом сознании внутреннюю опору и уверенность, однажды наступит день, когда мы возстановим нашу честь среди народов.

Владимир Авдеев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЧНОСТЬ НАРОДА

Макс Вундт – один из уникальнейших самобытных немецких философов XX века. Сын известного психолога Вильгельма Вундта, он родился 29.01.1879 года в Лейпциге, скончался 31.10.1963г. в Тюбингене; был профессором университетов в Страсбурге, Марбурге, Йене и Тюбингене; с 1936 года – член Академии города Эрфурта. Его день рождения в Академии этого города и поныне является официальным памятным днём.

Историки философии Макса Вундта обычно относят к блестящей плеяде интеллектуалов направления «фольксдойч». В 1917 году он был в числе основателей «Немецкого философского общества», определившего дальнейшую судьбу развития духовной жизни здоровой части Европы. Идеологическая направленность этого «Общества» была антидекадентской.

Известность в философских кругах Макс Вундт получил за публикацию следующих сочинений: «История греческой этики» (1908-1911) в двух томах, «Кант как метафизик» (1924), «Исследование по метафизике Аристотеля» (1953). Его работы «Греческое міровоззрение» (1910), «Государственная философия» (1923), «Немецкое міровоззрение» (1926) посвящены проблемам выработки национального міровоззрения в процессе эволюционного становления общества. Можно сформулировать, что міровоззрение – это квинтэссенция жизненного опыта, а также стратегия завоевания окружающего міра, определённой группы людей, имеющих общность происхождения и общие жизненные интересы.

Для каждого народа вопрос об этических ценностях всегда является ключевым, так как именно вокруг них, как реперных точек, строится конструкция исторической жизни. Без ценно-

стей как философской категории народ не может осознавать себя субъектом исторического процесса. Но сами ценности не берутся из ниоткуда, они имеют сугубо расово-биологическую основу. Поэтому, например, музыка, символы и ритуалы, являясь воплощением глубинного архетипа общности, сплачивают соплеменников лучше, чем любые политические или экономические институты власти.

Подтверждению этого комплекса идей посвящены прекрасные работы философа «Верность как ядро немецкого міровоззрения» (1924) и «Честь как источник нравственной жизни в народе и государстве» (1927).

Сочинение «Подъём и упадок народов. Мысли о міровой истории на расовой основе» (1940) является подлинным шедевром расологии, так как в ней дано предельно ясное и вместе с тем ёмкое философское рассмотрение проблемы. Можно отметить влияние классической немецкой академической школы. Сказался также и фактор наследственности. Стиль изложения безупречен, поскольку автору удалось сочетать лучшие достижения трёх основных исторических течений немецкой мысли: гуманизма, романтизма и рационализма.

В самом начале этого произведения Макс Вундт определил место философии в синтезе гуманитарных и естественных наук, определил критерий ценности исторического явления, сформулировал понятия «исторического» и «неисторического» народа.

По мнению автора, народ, название которого часто фигурирует в учебниках истории достиг этого статуса значимости единственным способом: он прошёл все круги «дантова» ада, в центрифуге которого выкристаллизовались его ценности и отпал шлак пороков. И чем больше разрыв между этими двумя категориями, тем больше абсолютная величина исторической значимости народа, считает М. Вундт.

Способность подниматься после падения и отражает модуль исторической величины народа, если применять язык точных

наук. Именно эластическая прочность расовой основы и характеризует народ как исторический. Те же народы, которые ни к чему не стремятся и ничего не помнят, не являются историческими. У них нет широты міровоззрения, так как нет масштаба ценностей. Исторический народ всегда тяготеет к большим авантюрам, как герой любовного или детективного романа. Он не задумывается о текущих потерях, ибо грезит перспективами победы.

В качестве отступления хотелось бы отметить, что термины и определения многих точных наук как нельзя более удачно подходят для употребления в области истории на расовой основе. Например, сопромат (сопротивление материалов) даёт богатейшую пищу для размышлений при перенесении данной методологии на гуманитарные науки.

О расовой основе народа мы вполне можем говорить как о его несущей конструкции, а, например, под прочностью на изгиб подразумевать способность народа сопротивляться инорасовым идеологиям. Ну, а прочность на разрыв вполне пригодна для того, чтобы определить способность народа придерживаться своих исконных расовых ценностей в условиях рассеяния.

В этом умозрительном соединении и заключена непреходящая ценность работы Макса Вундта, впервые предлагаемой нашему читателю, ибо в ней автор чётко определил место философии в гармоничном синтезе гуманитарных, естественных и точных наук. И необъятное поле расовой теории в этом плане оказалось самым подходящим полигоном. Не нужно листать тома исторических сочинений, чтобы согласиться с концепцией автора, так как каждый индивид несёт в себе полную расовую летопись своего народа во всём величии и трагизме триумфов и поражений. В каждом, даже безсознательном, движении человека как эхо, отзываются все судьбоносные мгновения истории его народа. История может и должна стать точной наукой, если будет опираться на расовую теорию, - считал крупнейший немецкий философ Макс Вундт.

Мы от души поздравляем всех читателей «Библиотеки Вл. Авдеева», которые имеют возможность ознакомиться с этой и рядом сопутствующих блестящих работ М.Вундта, поныне остающихся актуальными для всех, кто хоть немного задумывается об исторических перспективах России.

Содержание

ПОДЪЁМ И УПАДОК НАРОДОВ.....3
РОДОВЫЕ И РАСОВЫЕ КОРНИ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ.....25
ЧЕСТЬ КАК ИСТОЧНИК НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
В НАРОДЕ И ГОСУДАРСТВЕ.....95

Владимир Авдеев. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЧНОСТЬ НАРОДА.....109

Макс Вундт

Раса как предмет истории философии

«Библиотека Владимира Авдеева»

Гарнитура Times New Roman
Объём 7,25 печ. л.
Печать офсетная.
Пробный тираж 100 экз.
Заказ №779

В «Библиотеке Владимира Авдеева» представлены книги

Р. Линн. Евгеника
Р. Линн. Дисгеника
Э. Даттон. Почему мы глупеем?
Э. Даттон. Расовые различия в этноцентризме
Н. Вейл. Карл Маркс – расист
К.С. Кун. Происхождение рас (в 2-х томах)
У. Мак-Дугалл. Групповой разум
М. Х. Вольпофф, Р. Каспари. Раса и человеческая эволюция
П.Б. Рэндольф. Преадамиты
Г. Уитни. Раса, генетика и общество
Г. П. Фэйрчайлд. Ошибка плавильного котла
В. Акунов. История Ордена Хашишинов
Р.Р. Гейтс. Предки человека
М. Лефковиц. Не из Африки
П.Дж. Денин. Почему либерализм потерпел неудачу
М. Грант. Завоевание континента, или Экспансия рас в Америке

Издательство «Самотёка» и МИД «Осознание»
приветствует Родовичей Руси!

Желаем Вам и Родам Вашим здравия и благополучия!

Мы предлагаем Вашему вниманию книги, изданные нами и близкие по тематике. Нами запланировано также издать, всё, что изложено в «ЗОЛОТОМ КАТАЛОГЕ», где часть из задуманного освещена аннотациями.

Формируя, как круг постоянных читателей, так и сеть наших представителей в регионах просим Вас направлять в наш адрес **redsovet@samoteka.su** все Ваши заказы, пожелания и предложения, одновременно предлагаем Вам при желании, возможности и готовности стать нашими представителями в местах Вашего постоянного проживания.

Мы заинтересованы в издании трудов по народной традиции. Нам также интересна совместная работа с авторами идей, книг и проектов, отражающих и пробуждающих глубинные процессы деятельности человеческого разума.

8 февраля 2008 года начал функционировать интернет-магазин МИД «Осознание» и издательства «Самотёка» — немаловажная часть задуманного портала.

Ссылки:

Временные скрижали (портфолио): http://v.samoteka.su
Информация о нас: http://i.samoteka.su
Интернет-магазин: http://lavka.samoteka.su
Форум: http://forum.samoteka.su
Галерея: http://gal.samoteka.su
Информационный Портал (разрабатыв.): http://portal.samoteka.su
Серебряный каталог (новое): http://samoteka.su/rekl.pdf
Белый каталог (давнее): http://samoteka.su/bel.pdf
Золотой каталог (запланированное): http://samoteka.su/zlt.pdf

Будем признательны за Ваши письма и предложения.
Заранее Благо Дарим!